

Ульяна Гринь

18+

Мушкетер
ПОПАДАЮЩАЯ
В НЕВЕСТУ

Ульяна Гринь

Чумовая попаданка в невесту

«Автор»

2018

Гринь У.

Чумовая попаданка в невесту / У. Гринь — «Автор», 2018

Раз в Крещенский вечерок девушки гадали... Правда, перед этим отмечали день рождения и немного выпили в милой компании. Всё было отлично, пока я не упала в обморок перед гадальным зеркалом, а очнулась в тереме на постели из соболиных мехов. Да ещё и узнала, что пора собираться в путь, чтобы не опоздать на смотрины невест для наследника Белокаменного княжества. Наследник, кстати, всем хорош и весьма пригож, но шепчутся, что есть у него один изъян с юных лет. Но я-то ни хрена не боюсь! Ни изъянов, ни конкуренток. Поборюсь за первое место – вдруг оно мне надо? А если нет – посмотрим, как домой вернуться...

© Гринь У., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Раз в Крещенский вечерок...	5
Глава 2. Мой дядя самых честных правил...	11
Глава 3. Степь да степь кругом...	16
Глава 4. О сколько нам открытий чудных...	21
Глава 5. Ой да во зелёном во бору...	26
Глава 6. Вечерний звон, бом, бом...	31
Глава 7. Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...	37
Глава 8. Не мышонка, не лягушка, а неведома зверушка...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ульяна Гринь

Чумовая попаданка в невесту

Глава 1. Раз в Крещенский вечерок...

– Ну, что там ещё написано?

– Подожди ты! Вот... Развязать все узлы, снять пояса, распустить волосы.

Лика обвела подружек строгим взглядом и велела:

– Давайте, развязывайтесь! Янка, резинку сними!

Девушки зашуршали, хихикая, исполняя приказ. Я скорчила гримасу и распустила волосы, зачесала их пальцами назад:

– Глупости какие-то! Чем резинка может помешать?

– Так надо, – внушительно ответила Лика. – Ладно, с чего начнём? С воска?

– Давай с воска.

– Кому вина долить?

– Мне!

– Я ещё не допила.

– Плесни чуток...

Мила опустошила бутылку красного в протянутые ей бокалы, а Лика отрезала кусочек свечки и, бросив его в ложку, начала нагревать над второй свечой, которая освещала неровным пламенем маленький круг у стола в старой бане. Всё по канону, строго по книжке, найденной в закромах хозяина дачи. И только девушки. Мы, кстати, все незамужние пока что. Впрочем, у меня есть жених, Матвей, и это к его другу мы приехали праздновать днюху. Остальных девушек я знала постольку поскольку, они были подружками друзей Матюши. Говорят, алкоголь сближает людей, поэтому чувствовала я себя достаточно непринуждённо. Заводилой была Лика. Есть такие негласные лидеры в каждой компании. Всё организуют, обо всём подумают: напитки, закуски, да ещё и культурная программа...

Я, помнится, тоже была такой пару лет назад, когда ещё училась в лицее. А сейчас всё моё время отнимают работа и подготовка к поступлению в универ на будущий год. Ну, и Матвей, конечно. Деньги нужны за квартиру платить, хорошо, что он бомбит по вечерам, а не лежит на диване пузом кверху с пивом и ноутом...

– Милка, тебе гадаем! Давай, сливай воск в воду.

Упомянутая особа взяла ложку и дрожащей рукой, хихикая и стреляя большими глазюками по лицам подруг, опрокинула расплавленный тягучий воск в плошку. Мы чуть было не стукнулись головами, так все ринулись смотреть на результат.

– Чего это? – разочарованно спросила Варя. – Комок какой-то...

– Подожди, – Лика послунявила палец и перевернула прилипшую страницу книги.

– Похоже на солнце, смотрите, какие лучи! – протянула я.

– Точняк! Солнце... Ща, подождите... – Лика принялась листать странички. – Во! Среди вашего окружения есть довольно эмоциональные особы, с которыми трудно завязать дружбу – при том что добиться беспрекословного повиновения вы от них можете легко...

Она прищурилась на Милу и погрозила ей пальцем:

– Смотри мне, только не со мной: я никогда никому не повинуюсь!

Мила хмыкнула, приосанившись, а мы захихикали. Я допила остатки вина в бокале и спросила:

– Может, ещё за одной бутылкой сходить?

Лика деловито вытащила из-под стола вторую бутылку и ткнула в меня пальцем:

– Янка, тебе гадаем. Вера, открой пока.

Пока Вера возилась с пробкой и штопором, я почти не глядя перевернула нагретый воск в воду, откуда извлекли Милено солнце. Бело-жёлтая струйка булькнула, завернулась в причудливую ракушку и всплыла на поверхность. Лица кивнула, выпятив нижнюю губу:

– Ну, тут ясно, как день! Машина. Во: колеса, капот, дверца... Подожди, посмотрю, что это значит.

– Ей Матвей тачку подарит! – хихикнула Вера. – Подставляйте бокалы, алкоголички!

Мы практически чокнулись пустыми бокалами, и красная струя наполнила их по очереди. Я глотнула вина и скептически покачала головой:

– Скорей уж я ему поменяю его корыто на поновее...

– Это неправильно! – безапелляционно заявила Мила. – Мужик должен обеспечивать семью.

– Ну, мы ещё не семья, так, живём вместе, – отмахнулась я.

– Янка, ты неправильно подходишь к вопросу! – усмехнулась Лица. – Машина вообще означает новый путь, который должен стать счастливым. И ещё это очень яркий сексуальный символ!

– Фаллический! – прыснула Вера.

– Слушай, Фрейдова последовательница! Давай, твоя очередь!

Новый путь, ага, подумала я, потягивая вино. Новый путь домой разве что... Надеюсь только, что Матюша не слишком набухается, и мы сможем доехать без приключений. Снегу навалило столько, что едва загнали «Опель» во двор... И ведь ещё падал, когда мы в баню шли. Ничего, махать лопатой – хорошее лекарство от похмелья.

Какие фигурки выпали Вере и Лице, я не видела. Сидела и думала о машине. Неужели, и правда, купим новую? Нет, глупости, откуда деньги взять? Разве только кредит... Но кредит мы сейчас не потянем, в «Опеле» скоро масло менять и техосмотр приближается неумолимо, как Новый год... Зимние шины уже и так проделали шикарную дыру в нашем бюджете, теперь её, залатанную, снова пробьёт масло.

– Зеркало! Ставь его! Янка, будешь первой?

Мои мысли упорхнули куда-то далеко, и я взглянула на новую инсталляцию. Зеркало – небольшое, овальное, в причудливой раме, на ножке, которое можно было повернуть, меняя угол наклона – и свеча перед ним. О, гадание на суженого! Вот хулиганки!

– Нет уж, я пока посмотрю на остальных жертв! – усмехнулась я, подставив Вере пустой бокал. Получив его полным, присела позади Лицы. Та фыркнула:

– Трусиха!

– Ничего не трусиха. У меня уже есть суженый, так что я вам предоставляю право первыми увидеть своё будущее.

– Ах-ах, – пробормотала Лица, листая книгу. – Трусиха, я же говорю...

– Да, Ян, а вдруг твой суженый совсем не Матвей, – подхватила Мила. – Мало ли, увидишь в зеркале блондина с бородкой, с кубиками на прессе, с большим...

– С большим и блестящим «Порше-Кайенн», – хмыкнула Вера.

– Я хотела сказать совсем другое! – возразила Мила.

– Мы поняли, поняли, – под всеобщий смех уверила её Вера.

– Так, тихо! – шикнула Лица. – Начинаем.

Она поправила зеркало, подвинула к нему свечу и заунывным голосом провыла:

– Суженый мой, ряженный, приди ко мне ужинать!

Девушки на миг замерли, и я вместе с ними, а потом у всех вырвался дикий ржач. Почти в истерике, Мила прохохоталась:

– Как же, придёт он! Ты его напугала!

Лица, похоже, обиделась и буркнула:

– Не, ну а чо... Он же должен знать, кто в доме хозяин.

Дверь внезапно скрипнула с таким звуком, будто заорала кошка, у которой вырвали внутренности. Все в бане вздрогнули и выпрямились, не смея повернуться, а от входа раздался весёлый голос:

– Эй, девчонки, вы тут скоро?

– Мишка!

– Козёл!

– Придурок ты!

– Напугал же!

– Уйди отсюда!

– Сбрызни!

– Ой, всё... Я хотел сказать, что мы по вам скучаем, а вы... Ну и сидите тут одни! А я вам вина принёс...

Лица поднялась, быстро простучала босыми пятками по полу и отобрала у любимого бутылку красного, а потом шикнула:

– Иди, иди отсюда! Мы скоро!

Мишка покрутил кудрявой головой и скрылся за дверью, которая, закрываясь, нежно мякнула. Кошке вставили кишки обратно и зашили рану. Когда Лица вернулась и отобрала штопор у Веры, Мила заметила:

– А ведь работает гадание! Смотри, ты позвала суженого, и он явился!

– Так нечестно, – пробурчала Лица. – Я его убью!

– Ну всё, всё, не ворчи.

Мила села перед зеркалом:

– Как там оно? Суженый мой, ряженный, приходи ко мне ужинать!

Все замерли, даже обиженная Лица. Пламя свечи колебалось, отражаясь в зеркале, подёргивалось от случайных движений и едва совсем не угасло, когда Мила разочарованно выдохнула:

– Никого там нет. Вот обман!

– Не обман, а просто ты замуж не выйдешь в этом году, – авторитетно заявила Лица. – Янка, твоя очередь.

– Я не верю в эту ерунду, – предупредила я девушек, садясь с бокалом перед зеркалом.

– Нам пофиг! – хихикнула Вера. – Зато весело!

Да уж. Веселее некуда. Я глотнула вина, чувствуя некоторую нервозность, потом ещё немного, а потом вздохнула глубоко и сказала зеркалу:

– Суженый мой, ряженный, приходи ко мне ужинать.

Сначала ничего не произошло, как я и ожидала. Хотела уже объявить об очередной неудаче, но гладкая поверхность зеркала вдруг пошла рябью, а рябь начала сворачиваться в спираль, которую используют мультяшные гипнотизёры. Я замерла, не в силах пошевелиться, и только смотрела в центр этой спирали. Её полоски смешались, стали серыми и почти незаметными, но я видела водоворот, который тянул меня, тянул, незаметный для всех остальных. Страх зашекотал всё тело, ледяной змейкой скользнул вдоль позвоночника, и я вдруг ощутила полное безразличие к тому, что произойдёт. Просто позволила спирали вовлечь себя, окрутить, забрать... Голову заломило в затылке, пришла мысль о смерти... Я умру, да... Мне страшно, но я не буду сопротивляться... Просто уйду куда-то за грань...

Последняя мысль была о Матвее. Он точно забудет сменить чёртово масло...

Когда я очнулась, мне было холодно и жарко одновременно. Такое странное ощущение: сверху холодно, а половине тела тепло... Наверное, опять уснула рядом с Матвеем на диване, и этот балбес отобрал у меня покрывало... Блин, вот эгоист!

Голова стучала изнутри пульсирующей болью. Желудок, казалось, существовал отдельно от туловища. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, только пальцы двигались на несколько сантиметров. Будто бы всё отлежала на твёрдом. Неужели девки меня так и оставили на полу в бане? Хоть укрыли покрывалом, и то хорошо. А покрывало какое-то ворсистое, пушистое, приятное... На мех похоже. Шуба, что ли? Ни фига себе кто-то хорошо живёт, шубами вот так разбрасывается! Я тоже хочу себе такую шубку мягонькую... Может, всё-таки взять кредит? Один раз живём!

Я попыталась разлепить глаза, попутно ругая себя за идиотские мысли. Какая шуба? Куда я её надевать буду? Только изгваздаю в маршрутках... А на работе ещё и свистнуть могут. Лежи, Янка, и не выпендривайся. Эх, похмелье! Да сколько мы там выпили? Шесть бутылок на четверых, мальчики не считаются – они пили водку. Когда мне от литра вина бывало так плохо?

Глаза, наконец, послушались, открылись, и я увидела над собой бревенчатые балки. И потолок из нетёсаного дерева. Сосны, подумалось мне. Сосновые брёвна распилили вдоль и сложили из них потолок. Вот на эти толстые круглые балки. Это не баня. Блин, куда меня притащили? В доме, вроде, таких потолков не было нигде...

Я скользнула взглядом по комнате. Окошки маленькие, какие-то вычурные, широкие и низенькие. Всё те же бревенчатые стены, с трёх сторон обитые выцветшей тканью. Кровать, на которой я лежала. Рядом с кроватью – роскошный старинный сундук, широкий и длинный, окованный железом и расписанный тусклыми цветами. На сундуке спала, поджав ноги, обутые в самые настоящие лапти, девчонка в длинном платье и с длинной светлой косой. Незнакомая мне девчонка лет десяти-двенадцати.

Так. Янка, походу, ты тоже ещё спишь. И это не похмелье. Это... Блин блинский, это же воронка! Она меня загипнотизировала, из-за неё у меня так башка трещит, а вовсе не от вина! Теперь что же... Мне снится, что я в незнакомом доме, похожем на музей деревянного зодчества? А девчонка тут работает, экскурсоводом-волонтером.

Тьфу, какие дурацкие идеи ко мне в голову приходят! Немудрено, что она так болит... Сейчас бы таблеточку парацетамола и холодной минералки... Попросить у девчонки? Так надо её разбудить, а из горла только писклявые звуки выходят. Я попыталась откашляться, и боль при каждой встряске буквально расколола голову напополам. Как будто спелый арбуз острым ножом с размаху...

Девчонка сонно пошевелилась и вдруг подхватила, вперив в меня испуганный взгляд. Глаза у неё оказались голубые-голубые, аж завидно стало. Она вскочила с сундука, прижав ладони к румяным щёчкам и громким шёпотом произнесла:

– Проснулася!

Потом с размаху ударила себя по ляжкам, скрытым длинной юбкой, и ахнула:

– Батюшки! Ой, матушки! Проснулася!

Её коса, как живая змейка, запрыгала по плечу, девчонка перекинула её за спину и бросилась вон из комнаты, не переставая верещать:

– Батюшки-матушки! Проснулася! Ой, люди добрые, проснулася!

– Ну да, я проснулася, – просипела я ей вслед, приподнявшись на локте. – Чего так орать-то?

И добавила, чуть погромче:

– Водички бы...

Девчонка какая-то... Малахольная. Вот да. Это слово, которое раньше существовало в моём мозгу совершенно абстрактно, приобрело реальный облик. Девушка была малахольной. Может, приведёт кого поадекватнее... И где Матвей? Неужели бросил меня тут одну и уехал? У кого я вообще, в чьём доме?

Приподняв голову, я прислушалась. За окном невнятный гул. Свечка трещит перед иконами в углу. Внизу кто-то топает и невнятно бубнит. Железный звук, который ни с чем не

спутать – заслонка бряцнула о кирпичи печки. Собака залаяла где-то далеко. Хорошие звуки, напоминающие о деревне и о неутомимой прабабуле... Но совершенно не говорящие, где я нахожусь. Машина бы хоть проехала или поезд прогудел. А так...

Дверь скрипнула, и я повернула голову. В комнату вошла, нет, заполнила её собой пожилая женщина. Румяное, полное лицо, обрамлённое повязанным платком со старинной шапочкой рожками, лучилось самой искренней радостью, улыбка растянула рот, а глаза – голубые, как у девчонки, что робко жалась к стеночке – сияли, роняя слёзы на гладкие щёки. Я хотела было спросить про место, в котором нахожусь, но мне и слова не дали сказать.

– Господи Боже и все святые угодники! Голубонька моя, ласточка моя, мы уж и не чаяли увидеть твои глазоньки, девонька моя! Сподобил Господь, пришла в себя! Ну теперь потихонечку, помаленечку, добро да ехать нам только через два дня!

При этом руки её ни на минуту не оставались без дела. Бубня слова радости, женщина поправила моё меховое одеяло, взбила подушку под моей головой, расправила волосы, принялась заплетать их в косичку. Я мотнула головой – терпеть не могу, когда кто-то, кроме парикмахера, забавляется с моими волосами. Но женщина неумолимо продолжила, всё нахваливая мои глазоньки и сокрушаясь о потере такой длинной косы (чего-чего?)

– Золотце моё, как же ты теперь без косы, это же сила твоя и красота! Столько притирок извели на неё, столько крапивы да мать-и-мачехи рвали, всё умачивали да умачивали... Не иначе, как бесы отсекали, небось, теперь будут на твоей косе ворожить да силы из тебя тянуть! Говорила я тебе: не ходи в баню, не гадай! Да ещё одна! Где ж это видано?

Чего ей от меня нужно, не понимаю! Чем мои волосы до лопаток не угодили? Куда длиннее-то? Только никто мне не говорил, что не стоит в бане гадать, да ещё и в одиночку. С девчонками мы были... Лика предложила устроить крещенские гадания... А этой тётки я не знаю. Разве только в параллельной вселенной моя вторая я...

Стоп, Янка! Какие параллельные вселенные?

Терпеть не могу всякие фэнтезийные романчегии про попаданок по обмену в чужое тело, властных мудаков и всяких говорящих лошадей! Читала однажды такую книженицу – Светка на работе подсунула – отплевалась, закрыла и забыла. Такого не бывает и никогда не случится в жизни. А уж особенно со мной, тем более, что я не верю в подобную муру типа кармы, судьбы, перерождения и прочей мистики. Надо узнать, где я нахожусь, и позвонить Матвею, чтобы забрал меня отсюда поскорее...

– ...А моя Богданушка, моя боярышня, будет там самой-пресамой! Красавишной, достойной самого Великого Княжича!

– Кто такая Богданушка? – перебила я тётку, начиная злиться. – И вы – кто вы? И где я?

Со стороны девчонки послышался громкий ох. Женщина замерла, глядя на меня изумлёнными глазами, всплеснула руками и прижала их к необъятной груди:

– Батюшки святые! Неужто головонькой стукнулась моя голубка? Себя не помнишь, меня не узнаёшь... А вот это кто?

Она ткнула пальцем в девчонку, которая сидела, съёжившись, на краю сундука, и таращилась голубыми глазищами на меня. Как на двуглавую собаку, честное слово! Я вежливо пожала плечами. Женщина схватилась за голову, примяв рогатую косынку:

– Ой, лишенько-лихо! Бесы клятые! Унесли память вместе с косой! Что же теперь с нами будет!

Так. Надо как-то потихонечку выбираться из этого логова сумасшедших. С ними спорить нельзя, поэтому буду соглашаться, что бы тётка не сказала.

– То ж Прошка! – чуть ли не возмущённо кивнула на девчонку женщина. – А я... – она ткнула себя пальцем в грудь, – мамушка твоя, нянька Анфиса, неужто забыла? А это вот твоя опочиваленка, – и она обвела рукой комнату, – туточки ты родилась и жила всё время!

Я с трудом кивнула. Во бред!

- А ты у нас боярышня Богдана Сеславна, волей Господа Бога хозяйка наша!
- И женщина размашисто перекрестилась, обернувшись к иконам:
- Да будет воля его, станешь княгиней Белокаменной!

Глава 2. Мой дядя самых честных правил...

Боярышня Богдана меня начисто убила. В глазах тётки Анфисы была только искренняя любовь и надежда, что я всё вспомню. Но я ничем не могла ей помочь. Простите, дамы, мне пора. Домой, и как можно дальше от этого притона душевнобольных!

– Ладно, ладно, – осторожно ответила я. – Хорошо. А теперь я хочу прогуляться. Можно?

– Куда? Куда гулять-то? – замахала руками тётка Анфиса. – Тебе лежать надо, голубонька моя! Ежели чего надобно, Прошка притащит. И покушать, и попить... А ты лежи, сил наберись, скоро дальняя дорога предстоит!

Ага, вот только этого мне и не хватало для полного счастья! И так оказалась в какой-то жопе, а тут ещё дальше завезти хотят... Ну ничего, вот уйдёт эта рогатая, с девчонкой я договарюсь. Убивать меня не будут, вроде как любят пока, а значит, можно делать, что вздумается. Сказали же: я хозяйка. Так что выйду на прогулку, а там сбегу к ближайшей дороге или к домам, буду кричать «на помощь», и мне помогут. Наверное. Будем надеяться.

Спустя некоторое время – сказать, сколько точно, я не могла, так как ни часов, ни мобильного у меня не оказалось – я уже сидела накормленная большими пельменями с грибами и мясом, напоенная вкусной ледяной водой, а Прошка, приподняв мою левую ногу, обматывала её длинной широкой лентой сероватой ткани. Я решила пока ничему не удивляться, но онучи... Это всё же слишком. Я была в рубашке – длинной, немного грубоватой и достаточно просто скроенной, а под рубашкой не было ничего. Совсем-совсем. Данный факт меня несколько огорчал, ибо я надела на день рождения Мишки абсолютно новый комплект белья, купленный для особых случаев, а джинсы просто нежно любила за удобство. И ещё они делали мою попу неотразимой.

Прошка поднесла мне кусок сложенной в несколько раз материи, и я уставилась на девчонку, не понимая, что она хочет от меня. А та аж глаза закатила от моей бестолковости. Встряхнула ткань, быстро накинула мне на голову – в полотнище оказалась дырка! – и расправила складки до пола.

– Поясок таперича, – деловито порылась в сундуке. – Вот этот сегодня, бисером азиатским расшитый.

Поясок мне понравился. Почти произведение искусства – как будто подражание старинным традициям. Фольклор сейчас в тренде, так что пусть будет поясок. Я обмотала его по талии, но Прошка сердито цыкнула:

– Да что с тобой такое, боярышня?! После гадания этого сама не своя...

Она сама передвинула поясок выше, чуть ли не под грудь, затянула его легонечко, красиво сложила кончики, чтобы свисали на боку. Я только вздохнула. Вся эта ситуация началась немного напрягать. Быстрее бы добраться до дома... Там Матвей, там в полицию можно заявить, ёшкин кот! Тут же, блин, уже почти на незаконное лишение свободы тянет... Так, спокойно, главное – выбраться из этого сумасшедшего дома. То есть, соглашаться во всём, чтобы не заподозрили неладное. Под грудь – так под грудь, мне всё равно.

– Валеночки, боярышня, – напомнила Прошка, кивая на мои ноги. Валенки? Чего? В доме?

Она и правда поставила у кровати валенки. Только не те, что прабабушка надевала зимой, чтобы сходить до поросят, не грубые, серые и с калошами, а светлые, коротенькие, разукрашенные вышитыми цветами и бабочками. Я сунула ноги внутрь и почувствовала тепло. Вот прямо сразу, будто ноги на батарею горячую положила. Хорошо-то как... А Прошка всё не унималась. Достала из сундука очередную штучку и принялась прилаживать мне на голову. Я даже зажмурилась, чтобы ненароком не отшить девчонку. А та всё возилась, завязывая что-то на затылке. Потом отступила на шаг, любуясь, и с довольной улыбкой сунула мне под нос

что-то блестящее. Оказалось – зеркало, но такое странное... Будто пластину из лёгкого камня отполировали до блеска! Я машинально глянула в него и вскинула брови. А Прошка спросила:

– А? Ну как? Красавишна?

И сама себе ответила, улыбаясь, как кошка перед сметаной:

– Краса-а-авишна!

– Ну да, ничего так получилось, – пробормотала я, вертя чудное зеркало перед лицом и стараясь рассмотреть себя целиком. Зализанные волосы, как я никогда в жизни не носила... Ну, может, только в начальной школе! На них чуть ли не кокошник с белыми камушками, очень похожими на жемчуг, волнами и переплётками. Но хоть моё лицо в зеркале, и то хорошо. А то ведь всякое может случиться. Думала ненароком, что и правда в какую-нибудь Богданушку превратилась. Аж от сердца отлегло... Глаза мои, карие, косметики, правда, нету – как корова слизала. Нос мой – от папы доставшийся, губы мамины, пухлые, щёки, лоб, всё на месте. Ладно, хватит любоваться своей красотой. Пора выбираться.

– Ну, пойдём, – кивнула я Прошке с некоторой неловкостью. Девчонка вздохнула:

– Пойдём. Только мамушке Анфисе на глаза попадаться нельзя, а то погонит обратно.

– Я не хочу лежать в постели.

– Отдохнуть бы тебе, боярышня... Путь ведь неблизкий скоро. Страшно подумать – в столицу Белокаменного! Это ж сколько вёрст... Два дня в дороге.

– Не хочу, – пришлось даже повысить голос, и Прошка тут же сдалась:

– Добро, добро! Пойдём в светличку, только шубеечку накинь, а то застудишься в сенцах...

Шубеечку? Совсем они тут сдурели, в доме и валенки, и шубу носят...

А она оказалась просто шикарной. Не из драного кролика, а из цельных шкурок, сшитых между собой. По цвету и не определишь – лиса или норка. Правда, накинула её Прошка мне на плечи мехом внутрь. Вот странные люди! Ведь шубу носят мехом наружу! Как увидят такую красоту, если она спрятана под шкуркой. Выделанной и крашеной, конечно, шкуркой, даже с вышивкой всё тех же цветов и бабочек, но всё равно...

Выйдя из комнаты, я в полной мере ощутила заботу Прошки и необходимость тёплых вещей. В коридоре не было обогрева, ни лампочек. Редкий свет проникал сюда из крохотных окошек, в которых вместо стёкол были вставлены какие-то полупрозрачные тряпочки. Зато вдоль стен стояли деревянные ящики, пузатые бочки, доверху наполненные и завязанные тесёмками холщовые мешки. Мне было любопытно, что там, но спрашивать я не решилась. Ну их, пусть хранят хоть динамит, быстрее бы выбраться...

Лестница на первый этаж оказалась узкой, скрипучей и совсем тёмной. Нашупав рукой перила, я кое-как спустилась вслед за Прошкой в небольшой зал. Чуть просторнее моей комнаты, он был и светлее, и ярче украшен. Вдоль стены стояли лавки, а посередине – широкий прочный стол. Такие, кажется, зовут монастырскими. Бревенчатые стены не были обтянуты даже тканью, но зато на них висело оружие – топоры, сабли, ножи. Точно, музей же! Только странно, что все эти антикварные предметы не под стеклом... А красивые какие! Видно, что за ними хорошо ухаживают: начищены до блеска, хоть сейчас снимай с крючков и в битву!

Прошка взяла меня под локоть:

– Пойдём в стряпошную, киселька попьёшь аль кваску. Хочешь ведь?

От слова «квас» меня аж передёрнуло. Терпеть не могу этот напиток. Вот просто выворачивает наизнанку при одном упоминании. Кисель тоже как-то... Слизкий и тягучий, буэ-э-э! Лучше уж, ей-богу, пивка... Вино я пока пить ещё не готова, вон куда оно меня завело! А вот кофе... Может, у них есть кофе?

Нет! Пофиг на кофе. На улицу! Осмотреться и бежать. Рассиживать здесь и распивать кисели с квасами я долго не намерена. Вообще не намерена! Поэтому я повернулась к Прошке и, сдвинув брови (меня здесь любят и выполняют все мои пожелание!), ответила:

– Не хочу. Хочу прогуляться.

– Боярышня, – заканючила девчонка, – ведь прийдёт меня тётка Анфиса, ежели узнает, что я тебя на улицу пустила! Давай в стряпошной посидим маленечко... А не хочешь там – туточки посидим, али в светличку наведаемся, там девки прядут да ткут...

– На у-ли-цу, – твёрдо и по слогам перебила я Прошку. Та вздохнула и махнула рукой:

– Экая ты... Ладно, погоди, платочек на голову накинь, да и я оденуся.

Платок был знатным. Толстый, тёплый, не то вязаный, не то плетёный, красный с белой вышивкой по всему полю. Прошка помогла мне надеть его поверх кокошника, сколола края под подбородком брошью с затейливым камушком, а сама накинута на плечи потёртую, тяжёлую шубку до пола, замоталась в другой платок по самый нос и махнула:

– Айдемо туточки, чтобы тётка Анфиса не увидала.

Дверь скрипнула, и меня обдало морозным паром. Глаза заболели от белизны неба и снега, на которых тёмными пятнами там и сям виднелись люди, строения, похожие на сараи, и самый настоящий частокол из брёвен со сторожевыми башнями. Пара пацанов в тулупах и шапках гонялись за отчаянно кудахчущей курицей, а мужик, одетый так же, кричал на них и грозился палкой. Девушка спешила по двору с ведрами, из которых плескалась вода и оставляла в высоком снегу дырки и проплешины. Где-то ржали лошади, а в другой стороне лаяла целая свора собак, там слышался звон молотка о наковальню, голоса озабоченных работой людей, и вдруг – чистым задорным кличем поднялось к небу петушиное «ку-ка-ре-ку»...

Я растерянно огляделась, ступив с обледелого крыльца на мощёный досками двор:

– А это мы где? Что здесь? Деревня-музей, что ли? Реконструкция под открытым небом?

Прошка беспомощно заглянула мне в лицо:

– Боярышня... Может, вернёмся, а? Нехорошо тебе, а? Али лихорадка началась?

– Да ну тебя! Я только хочу узнать, где мы!

– Так ведь... Поместье твоё тут! Борково Городище, по-простому Борки.

Блин! Далось им это «моё» поместье и «моё» хозяйство! Все сумасшедшие вокруг... Или это я брежу? А может, такой реалистичный сон?

Я взялась за руку Прошки, притянула её к себе, взглянула в глаза. Девчонка смотрела просто и открыто, готовая исполнить любое желание, любую прихоть «Богданушки». Мелькнула кошмарная мысль, что со мной случилось необъяснимое и мистическое событие. Ведь машина из воска означала по книге новый путь! Счастливый и сексуальный, к тому же... Уж не перенесло ли меня какой-то силой вне понимания в прошлое или в параллельный мир, в котором живут древние славяне? И поэтому я не слышу ни машин, ни поездов, ни вертолёт, ни телефонных звонков...

Покрутив головой, я сглотнула и хихикнула. Нервно. Нет, это точно бред сивой кобылы. Янка, ты идиотка. Такое случается только в фэнтезийных книжках. Да-да, как в той, Светкиной. Только там девица попала в Средневековье с рыцарями, а я – куда поближе, в свою родную Русь... Догадалась... В прямом смысле этого слова. Всё из-за гадания дурацкого...

– Слушай, Прошка, а давай пойдём за ворота, – предложила я внезапно. За воротами начинается совсем другой мир, возможно. А вдруг там мой привычный, нормальный, современный город? Вдруг там шныряют по шоссе легковушки и натужно гудят моторами фуры, а я тут уже поверила в попаданство?

– Нет, боярышня, за ворота мы не пойдём, – неожиданно решительно отказалась девчонка. – Меня выпорют, а тебя тётка Анфиса в опочивальне заперёт за такие выходки. Давай-ка я тебе лучше покажу телёночка, что родился вчера! Он такой потешный, так весело за ним наблюдать!

– Да не нужен мне никакой телёнок! – рассердилась я и двинулась в сторону частокола по настилу из досок. Ну и пусть тут стоит эта наивная простота, а я пойду сама, не маленькая.

– Да тебе даже ворота не откроют! – снова заныла девчонка, видимо, чувствуя, что я не отступлюсь. – Куда выходить без дружинников?

Но голос её догнал меня, и, оглянувшись, я увидела, как Прошка спешит следом. Вот упёртая! Всё равно сбегу, что мне хуленькие девчонки!

– Что, так опасно снаружи? – я постаралась придать голосу максимально язвительный тон и фыркнула. Уж точно не опаснее, чем ходить ночью от метро до дома мимо гопников по тёмному безлюдному парку. Вот честное слово. А сейчас белый день, часов одиннадцать, наверное. Вооружённые дубинками реконструкторы мне ничем не помогут в моей прогулке с целью рекогносцировки...

Один такой, кстати, перегородил мне дорогу, правда, поклонился с почтением, но твёрдо придержал рукой:

– Боярышня Богдана, не велено выпускать без охраны.

– Мне надо, – чуть капризным тоном ответила я ему, оттолкнув кисть, спрятанную в толстой кожаной перчатке грубой выделки. Парень снова поклонился и пробурчал:

– Не велено, не выйдешь.

– И кто сказал? – я вздёрнула подбородок с вызовом, что далось мне нелегко при жмущем кокошнике и тёплом платке.

– Анфиса Акиндиновна не велела пускать. Велела глаз не спускать.

Тыфу ты. И тут тётка Анфиса... Как же мне выбраться из этого поселения? Разве что только ночью? Ведь пойдут же они спать когда-нибудь! Даже самые сумасшедшие волонтёры и реконструкторы когда-то спят. Разве не логично?

– Я же говорила, – удовлетворённо выдохнула Прошка, у которой вот очень заметно упала тяжесть с плеч. Всем своим видом она выражала обиду за недоверие, гордость за охранника, счастье, что я осталась в пределах двора. – Пойдём что ли, глянем на телёночка, а?

– Отстань! – рывкнула я в сердцах, злая на всех этих придурков. Домой хочу, блин! Не хочу здесь оставаться! Хочу вымыться, раскиснуть в горячей ванне, сожрать в одну морду целую шарлотку с клубникой, как раз акция в «Пятёрочке» рядом с домом... Поплакаться Матюше на свои идиотские приключения... Что они меня без трусов оставили... Вообще, хочу увидеть Матвея и обнять его, прижаться носом к плечу, вдохнуть запах его свитера, да чтоб на щеке отпечатался вязаный узор...

Аж взвыть захотелось. Заорать, чтобы меня услышали снаружи. Чтобы вызвали полицию, МЧС, армию, спасателей... Блин, в двадцать первом веке удерживают человека против воли в каком-то идиотском киношном городке! А я разве боюсь их? Я ничего не боюсь, меня папа воспитал так, чтобы бороться за себя и свою жизнь!

Эх, в шубе неудобно, но ладно... Я бросилась в сторону от молодца с дубинкой, мимо Прошки, напрямик к воротам, к свободе. Девчонка ахнула, парень крикнул что-то, и тут снаружи раздался странный ревущий звук. Словно... В рог трубят? В настоящий, мать его, рог. Да ещё так... Требовательно. Почему-то именно это слово в голову пришло. Спешат. Кто? Зачем? Откуда?

Охранник, стоявший на верху сложной конструкции ворот, крикнул что-то, чего я не разобрала, снаружи ответили тем же воплем, и ворота громко заскрипели, створки поехали в стороны, я на несколько мгновений увидела чистую белую равнину, утопанную дорогу в снегу, редкие скелеты деревьев там и сям... А потом приезжие закрыли вид, я услышала, почувствовала, почти физически – лошадиный пот, запах немытых тел, запах... адреналина? Возбуждённые и в то же время усталые всадники заполнили двор, в котором до того было сравнительно тихо. Они ворвались, как завоеватели, которым не дали отпор. И в этот момент я поняла. Я осознала.

Никакой это не двадцать первый век.

Это она и есть, древняя, мать её, Русь.

А ещё я поняла, совсем краем мозга, что все эти лошади чуть не сшибли меня с ног, что дружинник вовремя оттащил меня за ворот шубы и что теперь я сижу голой жопой в снегу. И что мне, блин, холодно!

Из сугроба сразу и не вскочишь, поэтому пришлось ворочаться, извиваться, чтобы подняться на колени. Снег набился под юбки, припекая ляжки, я задрала подол, пытаюсь стряхнуть его с ног, и услышала громкий смех. Прощка тут же кинулась ко мне, оправляя платье, зашипела:

– Да ты что, боярышня, совсем умом рехнулась! Смотрят же!

Блин, блин, блин! Что там делали с оголившимися девушками на Руси? Предавали анафеме? Сжигали? За что мне всё это? Чем я заслужила такой кошмар?

– Снег же! – попыталась объяснить Прощке, но та не слушала:

– Ты же боярская дочь, потерпишь! Тем более, перед таким гостем! Срам!

Я подняла глаза на ближайшего всадника. Тот не хохотал, ухмылялся, снимая перчатки с рук, а потом спешился, спрыгнув в снег. На меня полетели комочки грязи из-под его сапог, и я машинально принялась стряхивать подол шубы. Но застыла, видя, как мужчина подходит ко мне. Увидела совсем близко его лицо – смуглое, обветренное, изрезанное морщинами по лбу и у носа, услышала насмешливый хриплый голос:

– Как же ты выросла, Евдокия! А замашки детские остались.

Сглотнув, я вскинула голову и ответила сипло:

– Я Богдана.

Едва удержалась, чтобы не сказать «Яна»...

– В крещении Евдокия, язычница твоя нянька! Что же, едешь на смотрины?

Он бесцеремонно ухватил меня ледяными пальцами за щёки, повернул лицо направо-налево и цыкнул:

– Вы-ы-ыросла! Лицо не белишь, не румянишь? Зря! Была бы красавицей, а так... Чисто девка дворовая.

И отвернулся от меня, махнул рукой:

– Устраивайте лошадей и отдыхайте! Ты, накорми животину! Ты, малец, беги к воеводе, сегодня пировать будем!

Мужчина схватил своего коня под уздцы, тот фыркнул, попятился, дыша клубами пара, а приезжий засмеялся:

– Но, но, не балуй! Сейчас охолодишься.

И повел его к постройкам в глубине двора. Я дёрнула застывшую в благоговении Прощку за рукав:

– Это кто?

– Дядька твой, батюшки тваво брат. Боярин Яромир.

Глава 3. Степь да степь кругом...

Она была бескрайней, эта степь. Вот так – без конца, без края, без горизонта даже иногда. Мы ехали всю ночь. Как объяснила мне Прошка, это потому что в Борках больше запасов лунного камня, который активен в тёмное время суток. А камня солнечного мало, всего несколько перстней в обозе, посему и ездить днём опасно. Всадники-то отобьются и от разбойников, и от зверья, а вот сани неповоротливые, лошади медленные, да и вообще обоз – лёгкая добыча.

Мы с девчонкой сидели в глубине вторых саней, на мягкой и тёплой соломе, в шубах, в шапках, укутанные по самые носы и накрытые медвежьим тулупом. Он был неподъёмным, давил и грел, как печка. Я спала, изредка просыпаясь от толчка полозьев на камушке льда или от свиста возницы. И, открыв глаза, видела заснеженную степь, дальнюю полосу леса и тёмные пятна лошадей. Дружинники скакали впятером: четверо по бокам и один сзади. Этого замыкающего я уже знала – именно он не позволил мне выйти из городища, а потом повалил в сугроб.

Ещё была свита дяди Яромира. Но те держались особняком, часто отдалялись от обоза, потом возвращались. Мужчины там были хоть куда, все как на подбор, однако с охраной из Борков не дружили. Пировали у воеводы весь день, отсыпались, а вечером уже были готовы к отъезду.

Я тогда не сразу поняла, что происходит. Когда Яромир по-хозяйски завалился в зал с лавками и столом, сбросив на него оружие и перчатки, то развалился у стены и велел прибежавшей служанке:

– Собери-ка на стол для меня и моих ребят, а ещё выставь мёда да пива! И вина не забудь, я знаю, что у братишки в кладовой есть десяток бутылок из Бизентии!

Я смотрела на него от двери и не могла понять, почему этот человек ведёт себя так похамски. Ну, брат моего, то есть, Богданушкиного отца, который, как я поняла, недавно умер от лихорадки. Температура высокая, что ли, у него была? Но Яромир вроде как должен иметь свой собственный город, поместье типа моего, чего же тут искать припёрся? Уж наверняка не визит вежливости.

Наклонившись к Прошке, я шепнула ей на ухо:

– Пойдём в коридор, поговорим.

Мы выскользнули в сени, присев на старый сундук, и я, проводив взглядом всполошённую девку в сбившейся налобной повязке, спросила:

– Чего он тут распоряжается? У него права какие-то есть или что?

– А ты, голубушка, совсемничегошеньки не помнишь? – ужаснулась девчонка, приложив ладошки к щекам. – Ох, гаданье проклятое!

– Ты не стони, а отвечай по существу! – строго прервала я Прошку. Уже поняла, что ей дай только понуть и поплакать над тяжкой судьбой, весь день будет упоённо этим заниматься.

– Какому такому существу? – девчонка снова попыталась уйти от ответа, но получила мой фирменный сердитый взгляд, вздохнула и начала рассказывать:

– Когда батюшка твой помер, всё управление на тебе осталось. Хозяйка Борков ты. А Яромир владеет Щурковыми Запрудами, отсюда да вёрст семь лесом, а по дороге – все десять.

– И? Чего он тут ищет?

Прошка снова вздохнула, огляделась по сторонам и зашептала, приблизив губы к моему уху:

– Воевода наш старый совсем стал, тётка Анфиса тоже едва ходит. На них двоих городище и держится, помрут – и всё прахом пойдёт. Тебя замуж отдать хотят, чтоб муж законный тут заправлял... А Яромир тут как тут, явился не запылится, решил свататься.

– Так он же дядька мне вроде как! – изумилась я. Во народ! Во нравы...

– Не кровной он, а семьёй усыновлённый, – махнула рукой Прошка. – Да я того не знаю, не ведаю, а бают люди.

– Ну, а Богд... Ой, то есть я – я-то что думала об этом?

Девчонка как-то косо глянула на меня и пожала плечами:

– А тебя, боярышня, не поймёшь без чаши кваса. То плакала, то радовалась, а то вон побегла одна гадать в баню... А вернулась сама не своя.

– Так а смотрины как же? – усмехнулась я. – Вроде говорила тётка Анфиса, что ехать скоро куда-то...

– Смотрины – то другое. Тамочки вас дюжина будет, как Господь Бог рассудит, так и случится.

Она широко перекрестилась, глядя куда-то вверх, а потом снова вздохнула:

– Как отпустить ты в Белокаменную, даже не знаю... По особенности сейчас, когда ты умом маленько тронулась...

Деловой, взрослый тон девчонки насмешил. Я фыркнула, проводив взглядов двух служанок с подносами и жбанами, которые, чуть пригнувшись, вошли в зал. Покачала головой. Незачем мне ехать на смотрины. Только жениха-княжича и не хватает для полного счастья! Надо думать, как попасть обратно домой, а не женихов искать и поместьем управлять...

– А я и не поеду никуда, – сказала, нахмурившись, а Прошка вылупилась на меня и с минуту смотрела, не мигая. Потом кашлянула:

– Грю ж – ополоумела моя боярышня. Как отказаться от смотрин? Это ж повеление княгини! Не явишься – впадёшь в немилость вечную, да хорошо, ежели только ты, а то и дети твои, и внуки будущие!

Она схватила меня за руку и снова жарко зашептала в ухо:

– О себе не мыслишь, голубка, помысли о Борках! Ведь княгине только бровью повести станется, и назавтра войско прискачет, сравняет городище с землёй так, что и следа не найти...

Я только головой покачала. Что мне эти призрачные люди и города? Я из другой эпохи, из другого мира... Я должна вернуться домой во что бы то ни стало. Меня там ждёт Матвей, завтра на работу... Там мама с папой, там моя квартира, мой любимый диван, мой ноут... А здесь только призраки. Их уже давно не существует, они все померли тысячу лет назад!

Прошка отцепилась от меня и, шмыгнув носом, смачно сморкнулась на пол. Мимо нас юркнула большая рыжая собака, обдав запахом мокрой псины. Из зала выскочила одна из служанок, всхлипывая и поправляя на груди рубаху. С кухни – стряпошной, как называла её Прошка – раздался глухой звон разбившейся глиняной посуды. Я вздохнула. Для мёртвых все эти люди слишком... живые! Для сна всё слишком предсказуемо. Да и проснулась бы уже... Похоже, мне придётся принять реальность и жить в этом мире, пока моя семья, друзья и парень живут где-то далеко, в соседней вселенной.

– Ладно, не ной. Поеду я на дурацкие смотрины. Просто так ляпнула, а на самом деле мне даже интересно. И ты со мной поедешь!

Её голубые глаза вспыхнули от восторга, а потом погасли. Прошка отмахнулась:

– Кто ж меня пустит!

– Ой, всё.

Я хотела ещё добавить, что велю и пустят, но тут в сенях показалось грузное тело тётки Анфисы. Она подалась ко мне и прищурилась:

– А ты зачем встала, ась? Велено было лежать да сил набираться! А она по двору гуляет!

– Тётушка Анфиса, мы маленечко... – попыталась оправдаться Прошка, но получила нехилую затрещину и заткнулась. Тут уж возмутилась я:

– Зачем вы её бьёте? Она не виновата, это я захотела!

И встала перед женщиной, вздёрнув подбородок и глядя прямо в глаза. Тётка Анфиса тут же подобрела:

– Ты ж моя неразумная, ты ж моя голубонька, боярышня моя, ну как дитя малое! Вон, дядька приехал справиться о твоём здоровьечке, может, уговорим его тебя сопроводить до Белокаменной! Пойдём-ка, пойдём, поднесёшь ему чарку, поулыбаешься скромненько, как ты у меня научена...

Она подхватила меня под локоть и повела в зал. Там уже сидели, кроме Яромира, большой седовласый старик с морщинистым, словно продубленным от ветра и зноя лицом и несколько других мужчин, помоложе, пониже и поуже в плечах. Все ели прямо руками из общего блюда, пили из металлических кубков, украшенных чеканкой и тёмными камушками, вытирали бороды тыльной стороной руки... Дорогой гость поднял на меня глаза, усмехнулся и, звучно рыгнув, сказал:

– А вот и хозяйюшка явилась! Никак не рада меня видеть, Евдокия?

Да, кажется, я выразительно поморщилась. Только недавно отучила Матвея от дурацкой привычки вслух выпускать воздух через рот, всё зря, что ли? Придётся начинать всё с начала... Но, поймав умоляющий взгляд тётки Анфисы, я сказала совсем не то, что хотела:

– Почему же? Я очень рада вас видеть... дядюшка.

Жгучий взгляд чёрных глаз пронзил меня. Вот да. Раньше это выражение было просто книжным оборотом, несколько даже неудачным и слишком пафосным, а сейчас я вживую почувствовала две дырки, прожжённые в моих зрачках. Аж перекреститься захотелось, хотя я никогда не была верующей и в церковь не ходила. Но я снова пересилила себя. Тьфу ты, Янка, представь, что он просто клиент: немного выпивший, качающий права, тупенький мудачок. Улыбнулась, опустил глаза, чтобы спасти сетчатку от ожога, и пробормотала:

– Ещё вина?

Яромир громко усмехнулся:

– Ну, налей, налей, боярышня. Всем налей, хозяйка.

Служанка подала кувшин, и я пошла к столу. Наполнила подставленный кубок и уловила резкий запах вина. Фу, гадость какая... Как они могут это пить? Оно точно с пробкой! Понюхала ещё раз, не обращая внимания на удивлённые взгляды мужчин, и покачала головой. Нет, не затхлое, но слишком густое и необычное. Таким напиться даже литра не надо.

– Что же ты, Евдокия, неужто вина захотелось? – снова усмехнулся Яромир. – Баяли, что ты умом тронулась, вот вижу, правду люди говорят.

– Что ты, батюшка! – вмешалась всполошившаяся Анфиса. – Что ты! Наша боярышня себя блюдёт!

Блюду, ага, ещё как. Захотелось выбежать из зала и хорошенько проржаться с них со всех, но я решила не портить карму. Я Богданушка, мне надо блюсти себя, быть скромной и милой...

– А пошто гадать в баню ходила, а? Отвечай, Анфиса, твои языческие штучки?

Яромир стукнул ладонью по столу так, что тарелки и кубки подпрыгнули и жалобно звякнули. Анфиса сладенько улыбнулась, подобравшись поближе ко мне и поглаживая по спине:

– От скуки, батюшка, от скуки всё да от муки девичьего сердца! Одни потешки, да и только! Страшится боярышня дальней дороги... А как ты приехал, так и духом воспряла. Так и так, говорит, дядюшка меня непременно сопроводит до Белокаменной!

Яромир повёл недоверчивым глазом, потом хлебнул вина из кубка:

– А и не ехала бы никуда. Свадьбу бы сыграли, и делу конец!

– С князьями ссориться решил, Яромир? – подал голос ранее молчавший старик. Мне отчего-то показалось, что он и есть воевода, про которого упомянула Прошка. Дядя фыркнул, как злая лошадь:

– А ты сам подумай, Микита, коли её княжич выберет – Борки ваши с приданым отойдут! Пришлют из Белокаменной наместника, сядет он в этом тереме да будет поплёвывать в потолок и мёд пить, девок щупать. А коли не выберет, Евдокию там вмиг охомуതают, да только вместо княжьего наместника приедет другой хозяин. Неизвестно ещё, не пустит ли Борки по ветру...

– Ну ты говори да не заговаривайся, сынок, – чуть повысил тон старик. – Чай не одна поедет боярышня наша.

– А меня вы все знаете давно, и знаете, что я Борками дорожу не меньше Щурков!

– Отец ваш, царствие ему небесное, поделил поместья справедливо. Тебе Щурковы Запруды, а Всеславу – Борково Городище. Помер твой брат, а наследницу на меня оставил. С Белокаменной я ссоры не дозволю!

Воевода поднял голову, обвёл всех тяжёлым взглядом и продолжил:

– Сто дворов, пятьсот душ крестьян да ремесленников, гарнизон пять десятков воинов. Кому мы зерно и шкуры продавать будем, коли княгиня нас на ярмарку не пустит? Может, тебе, Яромир?

Дядя аж зубами скрипнул от бессилия. Видно, что понял – старик говорит правду. Мне стало как-то не по себе: сидят взрослые люди, совершенно мне чужие, и обсуждают мою судьбу. Ехать мне на смотрины к какому-то там княжичу или выйти замуж за вот этого вот хама и махрового мачо. И ногой не топнешь – девам слова не давали... Как же быть-то?

Вспомнила тётку Анфису. Надо улыбнуться и попросить, сладенько так. Даже Матюша со своей принципиальностью никогда не мог устоять перед розовым сиропом в голосе. Я снова шагнула к дядьке, приподняла кувшин:

– Налить ещё вина? – и когда он подставил кубок, сказала чуть тише, для него одного: – Я правда буду рада, если вы сопроводите меня в Белокаменную. А там... Всё в руках господних.

Слова явились сами собой, даже не знаю, откуда. Может, вычитала в какой-нибудь книге. Но они сработали. Яромир поднял на меня взгляд, глаза уже не обжигали, а искали подвох. Я видела это сквозь пелену ресниц, ибо опустила взор, аки красна девица. Дядя поверил. Или сделал вид, что поверил. Ответил:

– Что ж, Евдокия, раз просишь... Да ещё так смиренно... Так тому и быть.

А потом были долгие нудные сборы. Тётка Анфиса с Прошкой и двумя другими девушками перетряхнула вещи из двух сундуков, складывая нужное в один большой, дорожный, с огромными коваными замками. Я даже не смотрела, что там. Носить длиннющие платья и балахонистые плащи – то ещё удовольствие. Вообще с детства терпеть не могу юбки... Что меня по-настоящему огорчало, так это отсутствие нижнего белья. Но это дело было одним из поправимых. Мама научила меня держать в руках иголку, сшить подобие хоть каких-то труселей не проблема. Гораздо сложнее будет объяснить, зачем они мне... Но, думая об этом, я всё больше склонялась к мысли, что мне нужна союзница. И лучше Прошки никого не видела на эту роль.

Но тётка Анфиса давала все мыслимые и немыслимые распоряжения другой девице, которую звала Алёной. Высокая, статная, с длиннющей чёрной косой, Алёна вела себя спокойно и уверенно, словно ездила в далёкие путешествия раз в неделю. Но мне не нравилась эта её уверенность в себе. А ещё я поймала несколько подозрительно долгих взглядов в сторону Яромира. Упрекнуть девушку было откровенно не в чем, но неприятие оказалось сильнее меня. Я органически не вынесу её рядом. Поэтому, пока они собирали сундук, я продумывала хитрый план по замене Алёны Прошкой.

Могу с гордостью сказать, что мне это удалось в полной мере. Уже в санях, когда на меня накинули тяжёлую медвежью шубу, а Алёна занесла ногу, чтобы сесть рядом со мной, я завизжала не своим голосом:

– Я не хочу, чтобы она ехала со мной!

– Боярышня моя! – изумилась тётка Анфиса, уперев руки в круглые бока. – Так ведь оговорено было давным-давно, что Алёна поедет с тобою! И ты никогда не противилась.

– А сейчас противлюсь! Хочу Прошку, не хочу Алёну!

Даже возница обернулся на меня со своего места на передке саней и покачал головой, фырча в бороду. Тётка Анфиса заволновалась, бросая растерянные взгляды на слуг и дружинников, которые, уже в сёдлах, едва сдерживали нетерпеливых лошадей.

– Ну, золотце моё! Мой камушек солнечный! Уже поздно менять, пушай уж Алёнушка едет с тобой, она исполнительная, слова поперёк тебе не скажет, ты же знаешь...

Набрав морозного воздуха в лёгкие, я завопила что есть мочи:

– Про-о-о-ошку хочу! Иначе не пое-е-е-еду!

И в доказательство своих слов начала выбираться из саней. Стоявший позади Анфисы воевода сплюнул в снег и рявкнул:

– Прошка! Залазь! А то никогда не тронетесь, знаю я ваши бабы заскоки!

Прошка, не веря своему счастью, глянула на тётку Анфису, та вздохнула, закатив глаза к небу, и махнула рукой:

– А! Всё едино! Езжай, Параскева, и смотри мне! Глаз не спускай с боярышни! Иначе сдеру три шкуры, ты меня знаешь!

Так началось моё путешествие в Белокаменную. Ночь, степь, вонючий мех шубы и довольная как слон Прошка. Уже когда мы довольно далеко отъехали от Борков, и я перестала различать в сумерках частокол и башенки городища, из-под медведя послышался тихий шёпот:

– Спаси тебя Бог, боярышня Богдана! Век тебе буду благодарна, что взяла меня с собой в Белокаменную.

Усмехнувшись и выплюнув лезущие в рот волоски шубы, я ответила:

– Да ладно уж. За это ты мне окажешь небольшую услугу.

Глава 4. О сколько нам открытий чудных...

На кухне засвистел чайник. Назойливый звук и очень громкий. Прямо ухо режет. Но Янка твёрдо решила купить такой вот, со свистком, вместо третьего сожжённого по вине... ладно, чего уж там! По его, Матвея, вине. Правда, он был не так уж и сильно виноват, ну подумаешь, заигрался. Бывает же! К чести любимой, она даже не ругалась. Ну совсем немножко.

Матвей скосил глаза на Янку. Спит. Вот засада, она так и не проснулась ещё с того момента, как упала в обморок в бане! Правда, «Скорая» приезжала, врачаха поухмылялась, что понедельник, что пить надо меньше, что они не наркологи, вколола чего-то общеукрепляющего и посоветовала обратиться в специализированную клинику. Мол, ничего страшного, проснётся и потребует опохмелиться. Вот, он целые сутки уже ждёт. Хорошо, что сессию уже сдал, как раз каникулы... А Янку он отпустил с работы, сказал – болеет.

Чайник свистел-заливался, и Матвей со вздохом поднялся с дивана. Заварить чай и... подотить немного. Времени навалом до вечера, а там можно и поработать. В снежное время такси пользуется повышенным спросом...

Пакетик с чаем всплыл на поверхность кипятка, окрашивая воду в тёмно-коричневый цвет. Матвей бросил в чашку кусочек сахара, помешал и пошёл обратно в комнату. Бросил взгляд на диван и застыл, как вкопанный. Янка сидела в постели и смотрела на него неменяемыми глазами.

Позже Матвей будет смеяться, вспоминая этот день, но на самом деле ему было не до смеха в течение последующих двух часов. Янка, его весёлая, шabutная, деловая, его любимая девочка, вела себя, как будто не узнавала никого и ничего. Даже его самого! Она то истерически хохотала, откинув голову, то рыдала, спрятав лицо в ладони, и всё звала какую-то Анфису, а иногда Прошку. А он метался от неё к телефону, от телефона к Янке и не знал, что делать и кому звонить... Была мысль вытащить будущую тещу с дачного посёлка под Москвой, но остановил лишь тот факт, что везти её некому, ведь тесть работает вахтовым методом и как раз на этой неделе не дома. Поэтому Матвей поступил, как настоящий мужчина, приняв весь удар на себя, а именно: крепко обнял вырывающуюся и машущую руками любимую и запечатлел на её губах долгий поцелуй.

Янка сначала трепыхалась, словно семиклассница-девственница, а потом затихла, смирилась, будто даже заинтересовалась процессом и даже ответила неумело. Матвей оторвался от её губ на минуту и спросил тихо:

– Малыш, ну теперь ты меня узнала?

– Нет, – шёпотом ответила она. – Но это... приятно. Продолжай, что ли...

Он продолжил. Со всей нежностью и страстью, на которую только был способен. Янка откликнулась робко, закрыв глаза, зажмурившись даже, чего с ней никогда не случалось. И руки оставила на коленях, сложенные кротко, и сжалась вся, будто не родная...

– Зайчона... – выдохнул Матвей, чувствуя, как возбуждается весь, от кончиков волос до члена, жмущего в ширинке. – Расслабься, ты как не ты прямо...

И взялся ладонью за грудь – Янке всегда это нравилось, сразу с наскока, галопом, дай-дай, а потом уже во втором туре можно и поластиться. Но сейчас она напряглась, сдвинула ноги, руки скрестила на груди. А когда распахнула глаза, в них отразился страх.

– Что опять?

– Молви мне сперва, кто ты? Демон ли искустель али мой суженый?

– Яна! – Матвей повысил голос. – Прекрати сейчас же!

– Пошто меня зовёшь чужим именем? Богдана я...

Карие глаза полыхнули знакомым гневом. И в то же время что-то непонятное задело Матвея, царапнуло душу. Янка изменилась: не внешне, а внутренне. Как будто сейчас перед ним сидела её сестра-близнец. Нет, бред какой-то! Матвей потряс головой и наваждение исчезло.

– Ян, ну ты что, всерьёз, что ли?

– Демон али суженый? – с лёгким нажимом повторила она. И это тоже было в характере Янки: трубить свою мысль до победного, пока не получит ответа. Ну что же, придётся подыграть. Гадания их эти, хренания...

– Суженый, суженый, кто ж ещё, – проворчал он, снова обнимая Янку. Зажатость не исчезла, любимая не успокоилась, а ещё больше сгреблась в кучку и заявила:

– Тогда спервой свадебку сыграть надобно! А потом уж и миловаться.

От возмущения Матвей на мгновение застыл на месте, а потом резко встал, отмахнувшись:

– Да ну тебя! Мы же договорились. Давно всё решили: сначала я окончу магу, найду работу, подкопим денег и устроим нормальную свадьбу с платьем за шестьсот баксов, лимузинами и голубями...

– Я ничего не поняла, – Янка поднялась с дивана, прикрываясь спереди простынёй, – но спервоначалу свадьба, а уж потом... А как звать тебя, суженый?

Матвей подавил в себе резкое желание стукнуть её чем-нибудь тяжёлым и тяжело вздохнул:

– Матвей.

– Матфей святой апостол-мытарь! – перекрестилась Янка благоговейно. – Какое красивое имя! А скажи мне, Матвеюшка, где у тебя тут отхожее место?

– Какое-какое место? – переспросил он растерянно. Нет, определённо, ей нужно вызвать врача... Скорее всего, психиатра...

– Ну... то место... – и Янка совершенно натурально покраснела, потупив глазки.

– Туалет, что ли? Там, где и всегда, любимая, – попытался съязвить Матвей, но она не поняла, только кротко ответила:

– Я не знаю, уж прости меня. Всё здесь мне незнакомо, да и одёжа не моя.

– Здрасьте, приехали! Ты же сама купила эту ночнушку в «Мехх»!

– Прости, но все эти слова чужие для моего уха...

Этого Матвей просто не выдержал. Пошёл в коридор, открыл дверь туалета и зажёл свет:

– Вот тебе отхожее место.

На кухне он сел на табуретку и выдохнул. Что это может быть? Шизофрения? Что он знает о психических расстройствах? Ничего. А что о них знает Гугл?

Быстро просмотрев несколько статей по ссылкам в телефоне, Матвей крепко задумался. В принципе, признаки шизы должны были уже проявляться некоторое время. Но ничего особенного за Янкой он не замечал. Всё как всегда. Ни тебе эмоциональных взрывов, ни немотивированной агрессии, ни глюков, ни голосов... Она не превращалась постепенно в асоциальную личность, не уходила от разговоров, обожала заниматься любовью, даже когда уставала. В общем, просто ушла в баню с девушками гадать, упала, потеряла сознание, очнулась – гипс. То есть, это... Очнулась другим человеком: Богданой какой-то, говорящей с деревенскими интонациями.

Яна-Богдана вышла из туалета, закутавшись в простыню так, чтобы она скрыла всё тело и даже ноги, осмотрела по-хозяйски кухню и сказала:

– Какой у тебя чистый и светлый нѹжник! А куда всё уплывает? Внизу дыра есть?

– В канализацию, – рассеянно ответил Матвей, соображая, о чём это она.

– Затеяливо! А что ещё есть занятого в твоём тереме?

– Ну... Можно руки помыть. Кстати, тебе не мешало бы душ принять!

Она согласно склонила голову:

– Ежели у тебя так положено... Покажи мне, где я могу умыться.

Так. С сумасшедшими не спорят, шизофреникам потакают во всём, пока не приедет псих-бригада... Матвей жестом указал на дверь рядом с туалетом:

– Вот здесь наша... умывальня. Прошу.

Янка зашла, любопытно осматривая небольшое помещение, тронула ещё влажное полотенце, глянула в зеркало и обернулась:

– А где воду держишь?

– В кране, суженая моя, – с едва заметной издёвкой ответил Матвей и, протиснувшись между Янкой и стиралкой, открутил кран горячей воды. Струя под напором произвела такое впечатление на любимую, что она ахнула, прикрыв рот ладонью:

– Смотри-ка! Сама! Течёт! Откуда?

– Оттуда, – буркнул Матвей, подтолкнув её к ванне. – Давай, залезай, мойся. Надеюсь, не забыла, как пользоваться шампунем и гель-душем?

Янка зыркнула с затаённой обидой и гордо задрала подбородок:

– Как-нибудь найдуся! А ты выходи, выходи! Выходи, кому говорю!

Матвей закатил глаза, но решил не спорить. Вышел, прикрыв дверь и напряжённо прислушиваясь к звукам. В голове крутилась только одна мысль: что если этой ночью к Янке придут в голову голоса и скажут, что его, Матвея, надо прирезать? Ведь возьмёт нож с кухни и чикнет, не задумываясь... Надо держать её всё время на виду и стараться не спать... Нет, это хреновое решение. Так он быстро ноги протянет и без ножа. А если попытаться вывести её из этой глубокой галлюцинации? Показать ей, что она никакая не Богдана, а Янка, его зайчона, его любимая девочка! Как можно показать это?

Только одним способом. Который Янка так любит. И совместное купание в тесном душе – одна из их давних привычек. Зайчона такая лёгкая, что он поднимает её без труда, прислоняет к стенке... А Янка охватывает ногами его талию, такая гибкая, страстная, сама насаживается на член и стонет, как будто он мучает её.

Матвей выдохнул, как перед стопкой водки, и решительно вошёл в ванную.

Шторкой они ещё как-то не успели обзавестись, поэтому он просто облизнулся с порога, увидев круглую попку и нежную линию спины, шагнул ближе, подумав с дьявольской усмешкой, что сзади Янка тоже любит. Да, вот так: рукой за грудь, нагнул, второй рукой скользнул между упругих и мягких булочек, погладил всё сразу – от ануса до клитора широким жестом туда-сюда. Обычно его девочка изгибалась, как мартовская кошка, и сама подставляла ему уже влажную розовую дырочку, пульсирующую от ожидания наслаждения. Но сейчас всё пошло не по плану.

Янка замерла, словно окаменела. Матвей направил дрожащую от нетерпения головку прямо по центру, прицелился... и не смог сходу войти. Словно наткнулся на упругую преграду, которая не впустила, не позволила. Ткнулся ещё раз, ещё, а потом Янка завизжала дурным голосом. Голову обожгла резкая боль, и Матвей выпустил гладкие скользкие от воды бёдра, схватился за лоб, по которому нехило прилетело баллончиком с пеной для бритья.

– Ты чего? – попытался он вякнуть, но его не услышали. Янка вопила, как резаная, а вдогонку баллончику полетели прямо в голову кусок мыла, шампунь, гель-душ и даже мочалка. Всё это время Матвей молча отступал к двери, прикрывая лицо, и выдохнул, только когда оказался в коридоре. Визг тут же смолк. Твою дивизию, соседи подумают, что тут кого-то убивают!

Он медленно сполз по стеночке, совершенно охренев и обессилив от такого приёма, и потёр ладонью лоб. Шишка будет, к гадалке не ходи. Да что ж такое? Что стряслось с этой девчонкой? Всегда такая ласковая, готовая к сексу, часто даже больше, чем он сам, а тут орёт, дерётся, а дырочка словно сама обратно заросла целкой... Стоп. Он-то точно не сумасшедший! Он сам лишил Янку девственности два года назад! В первый раз у них всё так и было – не войти сходу, пришлось пальцами работать и куни делать одновременно. Такая же словно резиновая

преграда... Но ведь женщина не может стать опять девочкой! Ну, без операции, конечно. Но никаких операций быть не могло, до Мишаниной днюхи они с Янкой занимались любовью дома, на диване, а после днюхи Матвей привёз любимую сразу домой и не оставлял ни на минуту!

Нет, всё это просто бред! Во-первых, зачем Янке вновь становиться девственницей, разыгрывать спектакль, притворяясь древнерусской девицей, да ещё и отказываться от секса? Во-вторых, даже если на минуточку предположить, что её настигла психическая болезнь, то как всё можно было повернуть чисто физически? В-третьих... Ну, не зря же его посетило ощущение, что перед ним сестра-близнец Янки! Но бред, бред и белочка! Теперь что, придётся поверить в попаданку из другого... мира? Измерения? Вселенной? Из прошлого?

Бред.

Шум воды стих, и через пару секунд дверь медленно открылась. Матвей поднял взгляд и увидел Янку (или не Янку?) со шваброй наперевес. Лицо её выражало отчаянную решимость дорого продать свою девичью честь (девичью? блин!), если он снова полезет с недвусмысленными намёками и жестами. С минуту они смотрели друг на друга, и Матвей всё отчётливее сознавал: ему просто необходимо всё понять и как-то проверить. Как-то, значит, совершенно точно. Плева... Ну окей, кто знает, может, застание и возможно. Нужно найти что-то конкретное, физическое, что точно никак не имеет права измениться...

Он поднял руки вверх, ладонями вперёд, как для полиции:

– Спокойно. Поставь швабру, я ничего тебе не сделаю. Я просто встану, и мы пойдём поговорим в комнату.

Янка помотала головой, из чего Матвей заключил, что палку она не бросит, и кивнул:

– Ну, хорошо, хорошо. Пойдём сядем и обсудим всё.

Очень медленно, чтобы случайно не нарваться, он поднялся и первым пошёл в комнату. Янка последовала за ним, придерживая одной рукой простыню, обмотанную вокруг тела, а другой – швабру в весьма угрожающей позе. Матвей сел в кресло и указал любимой (незнакомой?) на диван. Янка примостилась на самом краешке, видно, чтобы быстрее можно было слить в случае агрессии. Матвей кашлянул:

– Яна, что случилось? Зачем ты меня ударила?

– А пошто ты меня насильничать хотел? – жалобно ответила она. – Коли ты мой суженый, должен понять – я себя блюду, свою честь, до самой свадьбы! А ты вона как, подлез и хотел взять всё без обязанности... Пошто, молви?

– Значит, ты не Яна?

– Богдана я. Богдана Борковичева, в крещении Евдокия, дочь боярина Всеслава Боркова, полновластная хозяйка Боркова Городища, – ответила она и даже выпрямилась, задрала подбородок, чтобы доказать свою значимость.

– Хорошо, допустим. Можно, я проверю кое-что? Ну, я же не могу просто так поверить тебе, без доказательств.

Матвей встал, игнорируя угрожающе качнущуюся швабру, и указал на ногу девушки:

– Шрам. У Яны шрам на правом бедре. Мы летом катались на роликах, и она неудачно упала – бедром о бордюр. Располосовала кожу, пришлось ехать в больницу и зашивать. Остался шрам. Можно, я посмотрю?

Она (Яна? Богдана?) подумала немного и кивнула. Сама аккуратно приподняла простыню, оголив ногу, причём лицо залилось краской и стало таким милым, словно у маленькой девочки. Ещё немного... Ещё чуть выше... На две ладони над коленом. Длинный, чёткий поперечный и чуть косой розовый шрам должен быть тут. Но кожа ноги оказалась девственно чистой. Волосатой даже. Янка всегда депилировала ноги воском. Раз в неделю. Два дня назад её ляжки и икры были гладенькими, будто попка младенца. А теперь поросли тёмными волосами...

Это не Янка.

Это другая девушка, похожая на зайчону как две капли воды, и в то же время с явными отличиями.

Богдана из какого-то там Боркова Городища.

И Матвею очень сильно захотелось возопить: «Пошто?»

Но вместо этого он просто сидел и смотрел на... Богдану очумело, ещё не сообразив, что ему делать дальше, ещё не задумываясь о том, где теперь его Янка, ещё не представляя, какие испытания принесёт это событие в его жизнь.

Очнулся только, когда услышал плеск воды где-то поблизости. Машинально встал, пошёл на кухню, в туалет. Отметил, что в унитазе плещется не смытое гуано, нажал на кнопку и подумал, чему ещё придётся учить эту древнерусскую деву. И где может течь вода... А потом с ужасом вспомнил про ванну.

– Твою мать! Твою мать! Мать твою!

Чуть не поскользнувшись на – слава всем богам небольшой – лужице на полу в «умывальне», Матвей резво завернул кран и, не засучив рукав, нырнул рукой прямо в воду, точь-в-точь зимородок за рыбёшкой. Отодрал пробку от слива и выдохнул, чувствуя, как пот кубарем катится по лицу. Удалось избежать катастрофы. Первой, очевидно, но не последней... Матвей бросил три полотенца из бачка на пол, придавил ногой, чтобы впитывали лужицу, и вернулся в комнату, горя желанием высказать всё матом своей новой сожительнице.

Богдана деловито перебирала Янкины шмотки в шкафу, оценивая длину, и, вытащив юбку, которую зайчона терпеть не могла, обернулась к Матвею:

– Молви мне, суженый. Ты мне поверил, а как мне тебя признать? Всё туточки выглядит бесовски. Может, и ты бес али сам диавол во плоти?

– Тьфу ты! – с досадой сплюнул Матвей. – Демоны замуровали, блин! Ага, вот что крест животворящий делает!

И спохватился. Спокойно, только спокойно. Девушка растеряна. Надо её успокоить, надо как-то разрядить ситуацию... Доказать, что он не демон? Да легко.

Матвей оттянул ворот свитера и показал золотой крестик на цепочке:

– Вот, видишь? Я крещённый. Правда, в церковь не хожу, в бога не верю особо, но меня крестили. Сойдёт?

Богдана приблизилась несмело, протянула руку, касаясь крестика, и кивнула со вздохом облегчения:

– Сойдёт. Диавол не смог бы носить святой крест.

– Ну тогда... Ты водку пьёшь?

«Иван Васильевич, вы водку пьёте? – Анисовую».

– Что такое водка? – подняла любопытный взгляд Богдана.

– Алкоголь. Чтобы выпить и расслабиться, – он щёлкнул по горлу, не зная, как ещё объяснить. Она махнула рукой:

– Мёд пью. Пиво если маленько...

– Пиво есть. Пошли на кухню, поговорим за бокалом.

– Пошли, – согласилась Богдана, украдкой повторяя его жест пальцами по горлу.

Матвей покачал головой, вытаскивая из-за системного блока початую бутылку водки. Что там говорят, обращаясь к богу? Спаси и сохрани, чо...

Глава 5. Ой да во зелёном во бору...

Обоз остановился на привал, когда солнце поднялось над горизонтом на две ладони. Я машинально высчитала, вытянув пальцы, что сейчас часов девять утра. Папа научил когда-то давно, в детстве. Как сказал Яромир, мы преодолели уже полпути. Осталась одна ночь, и мы в Белокаменной. Дружинники разбили лагерь на удивление быстро – все работали так слаженно, что я аж загляделась на этот танец. Раз, два, вот уже и шатёр над санями, костёр большой зажжён, снег вытоплен, вода булькает в котелке, а лошади гуртом пасутся у деревьев. У каждой на шее холщовый мешок, в котором с шелестом пересыпается овёс.

Мы вышли размять ноги на прогалину у леса. Как всё-таки трудно сидеть целую ночь! Даже ноги не вытянуть как следует, а особенно мне – обожаю спать на животе, раскинув руки в стороны. Даже Матюша ворчит каждый раз: я то в ухо ему заеду, то толкаю с подушки, то пятками брыкнушь. Интересно, скучает ли он по мне? Думает ли о своей Янке?

Я надеялась, что всё же скучает и думает. Иначе как жить, как думать о возвращении? При мыслях о Матвее мне взгрустнулось. А Прошка заметила, спросила:

– Что стряслось, Богданушка? Молви мне всё о твоих горестях!

Я вздохнула. Да, надо бы рассказать ей всё, причём с самого начала, но как знать, подходящий ли сейчас момент? Вдруг я ошиблась в девчонке, и она побежит к Яромиру, растреплет всё, а уж дядя меня просто прирежет на месте. Кинжальчик у него знатный, видела – на поясе висит в ножнах. Конечно, я умею защищаться. Папа настоял, чтобы брала курсы самообороны. Но одно дело – два-три гопника, а другое – мужик с мечом и кинжалом, который с детства, небось, ими машет.

Нет, надо осторожнее, не с такого наскоку. Сначала поспрашивать, а уже потом рассказывать.

– Прошка, а какие ещё камни существуют?

– Уфти! Про то ли печалишься?

– Печалюсь, что почти всё забыла, – покачала головой я, глядя в весёлые голубые глаза, блестящие из-под пухового платка. – Ты мне рассказывай, я буду потихоньку вспоминать.

– Ну, – серьёзно протянула девчонка, потуже завязывая платок под подбородком, – камни, они на всяк заговор разные. Я не все знаю. Самые что ни на есть нужные: лунный с солнечным, потом материнский – для баб первое дело такой камушек носить, он ить на себя и болезнь примет, и чадо в утробе сбережёт. А ещё есть чадо-оберег, как узнает баба, что тяжела стала, так и вешает на шею. А потом на дитёнка, как появится на свет.

– О как! Получается, никто и не болеет? – удивилась я, притопывая валенками снег.

Прошка махнула рукой:

– Да ну-у-у! Конечно, болеют! Не у всех есть на что купить камни. У тебя-то запас в сундуках, а ежели какая баба из крестьянок, так у ней один камень на всю семью, и тот вынимает только, ежели кто тяжко занедужит.

– Подожди, а зачем мне столько камней? Может, их раздать всем нуждающимся?

Прошка глянула на меня недоверчиво, а потом захохотала от души, напугав лошадей и ближайшего к нам дружинника. Хлопая по подолу шубы красными варежками, она простонала:

– Ой, боярышня, какая ж ты потешная, когда хош меня насмешить! Ой, а я спервоначалу поверила ведь! Ой, не могу! Ой, животик надорву!

– Тьфу на тебя, – обидевшись, я отошла к ближайшей ёлке, принялась обдирать иголки у ни в чём не повинного дерева. Прошка живо догнала, тронула за рукав:

– Ну, не сердися, Богданушка! Тебя эти дни никак не понять... Сама-то себя понимаешь ты?

– Я-то понимаю. Почему камни? Они ценные? Как золото?

Мне хотелось вникнуть. Зачем? А чтоб было. Задержаться здесь придётся наверняка, а поэтому лучше знать всякие традиции и фишки. Камни меня интересовали особенно – тётка Анфиса дала в секрете три мешочка с ними. Один велела подарить княгине, второй княжичу, а третий, самый увесистый, главному советнику князей, воеводе тысяцкому. Только камни, никакого металла. Неужели золото и серебро были не в почёте на Руси?

– Золото? – снова прыснула смехом Прошка, но взяла себя в руки и продолжила серьёзно: – Золото, боярышня, только оправа для камней. Само собой оно хуже железа – гнётся да ломается легко. Камни же добыть – опасная затея! Приисков мало, да и там страшные чудовища стерегут своё богатство! Вырвать камни из их лап могут только самые умелые и храбрые охотники... А бывает, камни с неба падают...

– Метеориты, что ли?

– Звёзды, боярышня, – удивлённо поправила меня Прошка. – Звёздные и есть самые ценные: лунный, солнечный да ещё небесный. Такой камень на триста вёрст в округе есть только у княгини, да и она его с шеи не сымает даже в бане! Бают, он силу даёт великую – мысли читать прямо из головы!

А вот это уже интересно. Княгини надо опасаться. Если вся эта сила камней – правда, то старая вредная правительница и потенциальная свекровь может меня разоблачить! Мне казалось, что это просто сказки, но ведь перенесло меня сюда каким-то образом? Лучше уж перебдеть, чем недобдеть.

– Боярышня!

К нам подошёл один из младших дружинников, отвесил поклон до пояса и сказал:

– Пожалуйста к костерку, похлёбка готова.

– М-м-м, покушать я сейчас совсем не против! – восторженно воскликнула, почувствовав, как живот подводит. Ещё бы, спали мы ночью мало, как поспишь в трясучих санях... Да и привычка сказывалась – кофе бы попить, как всегда утром, так кофе нет. Значит, надо покушать.

Вокруг огня и котелка на деревянной перекладине уже собрались сопровождающие обоз. Сидели на сложенных в охапки тонких брёвнах, видимо, тут же, у леса, и срубленных наспех. Яромир со своими дружинниками устроились отдельно, хотя и с благодарностью воспользовались общим костром. Они ели запечённые в золе корнеплоды. Картошку, что ли? Нет, вряд ли! Ведь картошку завёз в Россию Пётр Первый, а до него, я думаю, ещё дожить надо... Репу? Или брюкву? Блин, почему я не учила историю посерьёзнее?! Почему к Яндекс не обращалась с самыми важными вопросами? Не сидела бы сейчас как дура и не гадала бы, а знала точно. Спросить стрёмно, начнут снова смотреть, как на умалишённую...

Прошка подала мне глиняную плошку с... супом? В водичке с жирком плавали кусочки овощей, пока неизвестно каких, а маленькая тощенькая девочка лет десяти споро покрошила туда краюшку хлеба. Получив от неё же ложку – круглую, деревянную и даже не окрашенную, я спросила у своей наперсницы:

– А это что за ребёнок? Откуда она взялась?

– Эт меньшая, – отмахнулась Прошка. – С дружиной едет. Пошто едет – ведать не ведаю.

– Эй, девочка, – позвала я ребёнка. – Иди сюда. Тебя как зовут?

Она глянула на меня исподлобья и бросилась прочь, к лошадям. Что за пуганые тут дети? Странно даже. И почему её взяли в такую долгую и тяжёлую поездку?

Детей я любила всегда. Правда, издалека. Своих заводить смысла не было, пока мы с Матвеем перекапывались на съёмной квартире. Но хотела позже, после свадьбы. Девочку и мальчика. А дети вообще, не мои, клиентов в кафе, обычно были милыми, слегка капризными, но общительными. Теперь же девчушка задела мою гордость, что ли. Чего сбежала? Разве я ей сказала что-нибудь плохое?

– Прошка, чего это она?

– Уж прости её, боярышня, – испуганно ответила та. – Дикарка, что с неё взять! Вроде одного из дружинников сестра.

– А которого?

– Федо-о-от! – кликнула Прошка звонко. От саней отделился парень в кожаной кольчуге (наши реконструкторы даже не умеют делать такие!) и подошёл к костру:

– Чего надобно?

– Боярышня наша спрашивает, чья то меньшая, что суп сготовила?

Парень смутился, зыркнул на меня. Ага, тот самый, что меня к воротам не пускал, а потом скакал заключающим в обозе. Ответил нехотя:

– Ну, моя она... Сеструха меньшая. Что не так сделала?

– Убежала почему-то, – я пожала плечами, улыбнувшись, чтобы он не хмурился. – Испугалась, что ли?

Он снова глянул на меня, но теперь как-то странно. Словно напряжённо размышлял о чём-то, а потом нерешительно проговорил:

– Так ведь... боярышня... вы сами велели... чтоб на глаза не попадалась!

– Я?

Ох, не я, конечно, а Богданушка, дай ей бог счастья и здоровья, заразе такой... Придётся выпутываться.

– Я... ну возможно. Неважно. Позови её. Скажи, что я не сержусь, что не собираюсь ругаться и всё такое.

Федот покрутил головой, но кликнул:

– Меньшака! Подь сюды!

– Что за имя такое? – тихонько спросила я Прошку. Та махнула рукой, между двумя ложками похлёбки ответила:

– Так младших детей в семье зовут.

– Ну правильно. Как кошек называют Кошка... – проворчала я. Нет, ну серьёзно! Пренебрежение какое-то средневековое!

Девчонка подошла, спрятавшись за брата и выглядывая одним глазом и половиной впалой щёчки. Я поманила её:

– Ну, чего ты? Иди сюда, никто тебя не обидит.

Робкими шажками она приблизилась, встала, чтобы не заслонить жар костра, и спрятала взгляд. Одета она была в длинное платье, потрёпанное по подолу, а сверху носила жакет на меху без рукавов. Ничего себе! Наверное, холодно так разгуливать по морозу! Чем они тут все думают? На ногах широкие лапти поверх замотанных вокруг ног портянок, тьфу ты, онучей, даже валенок не дали ребёнку! Платок замызганный, по самые бровки натянутый, по щёки укутывал голову. И косы не видно, а ведь все девушки косу по спине выпускали, все, кого я видела в городище. Мне стало так противно, что ребёнок живёт вот так между взрослых, а никто не позаботится о нём. Московские нищие никогда не вызывали приступов жалости, потому что я знала, что это просто уловка – их показушная бедность и сирость. Тут совсем другое. Небось, Богданушке было неприятно видеть рядом такое забитое, никому не нужное существо, она и отослала подальше от себя...

– Садись, ребёнок, – я похлопала по бревнышку рядом с собой. – Садись, ты кушать хочешь? Суп ела?

Девчонка вскинула на меня полные непонимания и страха глаза, и я в который раз обложила матом Богданушку, правда, молча, про себя. Пришлось встать, взять девчонку за руку и посадить чуть ли не силой на тёплое место. И Прошку подтолкнуть:

– Дай ребёнку поесть!

Та аж зенки выпучила от удивления, но послушно потянулась за плоской, налила черпаком суп, протянула девчонке, которая схватила и принялась жадно хлебать, то и дело поглядывая то на меня, то на брата. Я спросила в перерыве между двумя ложками:

– Как тебя зовут? И сколько тебе лет?

Девчушка только головой мотнула и бросила растерянный взгляд на Федота. Тот пояснил, перебирая пальцами по ножнам кинжала:

– Не говорит она с малолетства. Крестили Феодосией, а так Меньшакой кличем. Лет... Не знаю я точно. Последыш, мамку родами сгубила. То ли десять, то ли двенадцать годков прошло уж.

Я только и смогла, что брови поднять и окинуть его самым своим злым взглядом. Вот люди! Вот так времена! А о нравах вообще лучше промолчать. Неудивительно, что ребёнок не говорит, если её все обвиняют в смерти матери... А брат ещё и с собой таскает в качестве прислуги! Интересно, сколько ласковых слов Феодосия получила в жизни по сравнению с тычками и окриками?

– Вы так не смотрите, боярышня, – сурово откликнулся Федот. – Так-то мы о ней заботимся, я вот в Борки взял, а дома она одна девчонка на четверых братьев и отца, с утра до вечера крутилась у печки да за скотиной. Ну а что ещё делать с ней? Бесполезная, даже замуж не выдать.

– А где она ехала? Во вторых санях?

– Со мной на лошади.

– Блин, совсем с ума посходили! Так и замёрзнуть недолго! Замёрзнет и отвалится по дороге, а ты и не заметишь!

– Так ить... Держится она.

Федот выглядел удивлённым и растерянным. Наверное, думал, с чего это Богданушка так резко поменяла отношение к замарашке, и что можно от этого ожидать. Но мне было всё равно, если честно. Феодосия вызвала острый приступ жалости и желание сделать хоть что-то, что в моих силах. Ну, одеть, накормить, согреть... А там посмотрим. Она не глупая – по глазам видно, проворная девочка, не ленивая. Пусть со мной пока потусуеться, а по приезду в Борки сдам её тётке Анфисе, пусть найдёт работу по силам. Всё лучше, чем прислуживать дружинникам или убиваться по хозяйству, обихаживая братьев и отца, которые её не любят.

Протянув руку, я убрала прядки волос с чумазого личика, и девочка вздрогнула, словно я её ударила. Замерла, как дикий зверёк, которого поймали и тискают дети. Ещё немного, и мёртвой бы притворилась. Ничего, привыкнет. Уж я-то не позволю её обижать.

– Феодосия – это слишком длинно, – задумчиво произнесла. – Феня, Фенечка, так лучше.

И усмехнулась. Фенечка – как раз бесполезная симпатичная штучка. А девочка бросила на меня быстрый взгляд и кивнула. Согласилась, значит.

После супа мне захотелось в туалет. Спрашивать было не у кого – Прошка куда-то слиняла. Повертев головой, я увидела свою наперсницу в весёлом флирте с дружинниками. Вот оторва! Ладно, пусть развлекается, а с кем – это не моё дело. Схожу в лесочек. Правда, ёлки тут росли как-то реденько, надо забраться чуть вглубь бора, чтобы подальше от людей. Не знаю, собираются они подсматривать или нет, но терпеть не могу, когда кто-то знает о том, что я пошла писать. Это уже мамино воспитание. Я даже Матвея стеснялась в первое время, когда с ним начала встречаться...

Лес был тихим и неживым. Будто его заморозили нарочно, чтобы не мешал. Ни ветка не шелохнётся, ни птица не вскрикнет. Я шагала с трудом, выбирая кочки, где было меньше снега, и стараясь не попасть в глубокий сугроб. Время от времени оборачивалась, видна ли наша стоянка. И наконец, решила, что отошла достаточно далеко. Выбрала место под молодой сосенкой, которая тянулась между двумя разлапистыми ёлками, принялась подбирать полы шубы, путаясь и вполголоса ругаясь на идиотскую моду, потом присела осторожно, чтобы снова

не попасть голой жопой в сугроб... Тихое журчание нарушило благоговейную тишину леса, и показалось на миг, что ёлки неодобрительно покосились на меня. А потом...

Потом случилось то, чего я ну никак не могла ожидать. С громким визгом, от которого уши заложило и чуть не порвало барабанные перепонки, на меня налетело нечто мохнатое, растрёпанное, злобное. Когти шкрябнули по рукаву шубы, которым я закрылась машинально, вцепились в него, начали рвать... Я почувствовала неприятный незнакомый запах и даже подумала мельком, уж не я ли отложила кирпичей! И только потом осознала, что на меня напали. Дикое животное с когтями на лапах, с крыльями и со странной мордой, похожей на кошачью, посередине которой вместо носа торчал загнутый клюв!

Я заорала от неожиданности и страха, и, конечно, жопа не избежала прямого попадания в снег. Приземлилась удачно, но ударились спиной о сосну, что-то где-то треснуло, но за визгом птицо-кошки и моими воплями «Иди нах...! Иди нах...!» было непонятно, что именно. Я уже не думала ни о чём, только бы лицо защитить! Хороша я буду, расплосованная этими мини-ножиками на смотрах! Да и вообще, всякую гадость занесёт, а тут даже дезинфицировать нечем!

Я отбивалась от твари руками, ногами, шаря по снегу в поисках ветки или чего-нибудь повесомее, но ничего не находила. А кото-птица своими воплями призвала себе подобных, и вот уже не пара, а сразу три когтистых лап и тяжёлых крыльев атаковали меня со всех сторон. Я точно сдохну в этом лесу, неизвестно на какой планете, в каких времени и вселенной! Чтоб ещё раз соблазнилась придурочным гаданием! Чтоб ещё раз бухала в незнакомой компании! Нет, другого раза у меня не будет...

Когти в волосах, в обоих рукавах шубы... Я слабела в неравной борьбе и даже орать перестала, но помощь всё-таки подоспела.

Вжик, вжик, вжик! Противные чавкающие звуки вслед за свистом железа – и меня рывком подняли за шиворот. Запутавшиеся в волосах лапы больно дёрнули кожу, когда Яромир отодрал их и отбросил вместе с обезглавленным туловищем. Три тушки валялись на снегу вокруг сосны, из них вытекала толчками тёмная голубоватая кровь и почти сразу застывала на морозе. Это зрелище заворожило меня. А потом голова закружилась, желудок сжался, выталкивая недавно съеденный суп, и я весьма элегантно блеванула на дядюшкины кожаные сапоги. После этого в мои несчастные мозги весело впрыгнула спасительная темнота и, хихикая над дурочкой, выключила свет...

Глава 6. Вечерний звон, бом, бом...

Когда я очнулась, меня посетило стойкое чувство «дежа-вю». Открывая глаза, я втайне надеялась только на одно: что увижу над собой потолок бани и взволнованные испуганные лица Лики, Веры и Милы. Но нет. Облом. Полог белого шатра, уходящий пиком вверх, чумахая мордашка Фенечки, замотанная в платок, и голубые глазюки Прошки. Вздохнула. Эх, жаль... Счастье было так близко...

– Проснулась! Богданушка, проснулась! Ой, Господь всемилосердный, как же я напугалась!

Прошкин голосок снова вызвал утихнувшую в обмороке головную боль, и я поморщилась, приподнимаясь на локте:

– Замолчи, пожалуйста! Зачем так визжать... Прямо кото-птица, блин...

Фенечка аккуратно поднесла мне плошку с чем-то ароматным. Запахло травами и ягодами. Я приложила к плошке губами и глотнула. Чай без чая, только очень насыщенный, лучше, чем пакеточный из «Пятёрочки». Освежив рот, спросила:

– А... что это вообще было?

– Боярышня, миленькая... – Прошка присела рядом и взяла меня за руку. – Больше никогда! Никогда-никогда так не делай! Пожалей меня, пожалей нас всех... Ежели с тобой что случится, тётка Анфиса меня просто живой в землю закопает, а ребят из дружины сошлёт в царское войско!

– Прошка, не ной! Я пошла пописать... Облегчиться, понимаешь? Ну чуть дальше в лес зашла, чем надо. Кто же знал, что у вас там монстры обитают!

– Ты меня пуга-а-аешь! – Прошка, естественно, поступила с точностью до наоборот. – Даже Фенька вон знает... Да что там, даже чадо у мамкиной сиськи знает, что в лес зимой ходить поодиночке нельзя! Ведь пора размножения у дрекавок!

– У кого, прости?

– У дрекавок, – терпеливо повторила Прошка. Потом махнула рукой: – А! Всё одно больше в лес не пойдёшь! Я от тебя ни на шаг теперь!

– Где эта шлында, свербигузка, глупердяйка?! Небось, рассусоливает, по шубке убивается?

Рёв дядюшки заставил меня вздрогнуть. Это он меня так оскорбляет? Прошка кинулась к пологу шатра, распахнула его и зашикала:

– Тише, тише, боярин! Только-только проснулась, головушка болит у Богданушки!

– А ну, в сторону, чучундра мелкая! Брысь с дороги!

Прошка юркнула обратно, и в сани влез Яромир, красный от гнева, растрёпанный и просто очень сильно злой. Я вжалась в передок, постаравшись оказаться как можно дальше от этого знакомого мне чудовища, и обнаружила, что сжимаю что-то в руке. Круглое и не слишком большое. На всякий случай сунула это нечто под мех, потом посмотрю. А дядька гаркнул:

– Где?

– Где что? – ответила я вопросом.

– Где твой крест нательный, гузка?

– Я... не знаю...

Растерянно глянула на Прошку. Та пожала плечами, всей мимикой показывая, что тоже понятия не имеет. Крестика у меня никогда в жизни не было, потому что семья моя состояла из твёрдых атеистов. Меня ни к чему не принуждали, религии не высмеивали, но и не поддерживали. Я знала, что могу выбрать любую или никакую, когда вырасту. И выбрала – никакую. Не было у меня необходимости в божестве, ангелах, рае и аде. Поэтому сейчас я не знала, что ска-

зять Яромиру. Богдана была крещёной, значит, крестик унесла с собой туда, куда попала. А куда – я не знаю.

– Потеряла? Крестильный крест из кровавика! Вот разиня! Другой надо было надеть! А ты, бестолочь, куда смотрела?

Это уже Прошке. Та уменьшилась в размерах под яростным взглядом дядьки и пролепетала:

– Да я и помыслить не могла...

– «Помы-ы-ыслить не могла!» – передразнил её Яромир. – Дура! Где ларец с камнями?

– Тута.

Девчонка услужливо подсунула ему резную шкатулку с высокой крышкой, даже распахнула её. Дядька вытащил, почти не глядя, и бросил мне кулон из темного, очень гладкого камушка в виде капли с дырочкой в уголке, подвешенный на простую бечёвку:

– Вот! Кровавик. Надень! И вот ещё, волчий глаз, тоже надень, а то один камень с тобой не справится.

Волчий глаз был просто очаровательным. Жёлто-коричневый, с кругами более тёмных и светлых тонов, он притягивал взгляд и заставлял всматриваться в глубину полированного бока. Я вертела камушки в руке, не решаясь на более близкий контакт, но Яромир снова прорычал:

– Надевай! И не смей ни на шаг отходить от обоза без охраны! Без этой вот дурёхи и троих дружинников! А посмеешь ослушаться – лично разложу на снегу и выпорю конской плёткой!

Я быстро просунула голову в бечёвки, устроив камни под рубахой, в ложбинке между грудей, и ощутила их неожиданное тепло. Странно, я всегда думала, что полудрагоценные камни должны быть холодными... А эти прямо грели не хуже пухового шарфика! Яромир выдохнул:

– Ну, слава Господу всемогущему, теперь хоть какая защита есть. А ты, Евдокия, сиди здесь до вечера. Приставлю Алексия, чтоб приглядел за вами.

И дядька вылез из шатра, не попрощавшись.

В наступившей относительной тишине я услышала два облегченных выдоха. И Прошка, и Фенечка чуть ли не растеклись по меховой обложке саней, настолько были напряжены. Я же откинулась на подушку и поджала губы. Разорался тут, понимаешь... Ну, случайно встретила странных хищных птичек. Или кошек. Или всё-таки птичек? Ладно, неважно... Как знать, не водится ли в здешних местах ещё какая-нибудь подобная живность...

Когда Прошка вышла к костру за чаем, а Фенечка задремала, став похожей на сторожевую собаку, у которой даже во сне уши ловят каждый звук, я устроилась поудобнее и хотела тоже покемарить, но вдруг вспомнила о круглой штучке, которую подобрала в лесу. Пошарила под мехом и нашла.

На первый взгляд штучка напоминала большой жёлтый камень с разводами по всей поверхности. Она была тяжёлой и легко помещалась в ладонь. Взвесив на руке, я подумала, что теперь у меня будет чем запустить в Яромира, если снова начнёт орать. Получив таким камушком по башке, он точно заткнётся и не полезет больше качать права. Надо спрятать куда-нибудь, чтобы никто не нашёл, а то ещё отберут, зная Богданушкин характер. И я спрятала штучковину в единственно секретное место, которое знала с детства: в лифчик. Ну как в лифчик... В рубаху. Туда же, между грудей, как раз поясok поддерживал снизу, а ворот стягивал шнурок сверху. Оттуда не выпадет случайно, а достать можно быстро.

Как раз когда я снова стянула полы шубы на животе, вернулась Прошка. И затрещала, как трещотка:

– Ой, боярышня, как тебе сvezло! Нашли цельное гнездовье дрекавок, да и всех побили! Их там не меньше дюжины было! Ежели бы не три, а больше на тебя накинудись бы, Яромир и не успел бы даже! Знаешь, какие они свирепые? Их бьют-бьют, а они прям лезут и лезут! Ужас-ужас!

– Да ладно тебе... Что страшного в таких маленьких животных? – удивилась я.

– Страшно, ведь они человека загрызть могут! У нас мужики в лес в одиночку не ходят, а вдруг дрекавки? И так пропадает кто каженную зиму! Что ни зима, так один мужик не повернётся с вырубки... Они ж яйца охраняют! Но не бойсь, боярышня, дружина все яйца расколотила, теперича туточки не будет этих проклятуших диавольских созданий!

Яйца... Эти ужасики несут яйца... А я упала в снег, и что-то треснуло... Кладка яиц. Точно, как Кремлёвские куранты! А что я в руке зажала? Уж точно не камень и не кашку мёрзлую. Яйцо я схватила машинально и принесла с собой, бесчувственная... Мать моя женщина! Это у меня в сиськах сейчас греется яичко этих тварюг?

Так, Янка, спокойно. Чем я рискую? Ведь яйцо не укусит и не съест. Пока пусть полежит там, где лежит, а по приезду в Белокаменную посмотрю, что с ним делать. Да и птенец, едва вылупившись, будет беззащитным, а поэтому... Да фиг с ним со всем, я уничтожила кладку редких птиц! Пусть хищных, окей, но всё же живых существ! Вот они и обозлились на меня... Прекрасно! Я начала свою жизнь в этом мире с убийства невинных животных... Бли-и-ин! А ещё панд спасаю в своём родном мире...

Я так сильно распереживалась за бедных дрекавок, что отказалась и от чая, и от супа, и от каши. К тому же, каша пахла горелым, и меня от неё чуть не вывернуло. Научить их, что ли, масло в котелок кидать, или сами догадаются? Но время пролетело быстро, тем более, что я большую часть дня проспала и даже не выходила в туалет, хотя и хотелось немного. Но решила – не буду. Доедем до столицы, там и облегчусь, а пока потреплю. Не хватало нарваться на какого-нибудь волко-страуса!

А на закате, когда солнце коснулось горизонта краем холодного серо-оранжевого диска, затрубили отправление в путь. Шатёр свернули, костёр засыпали снегом, уничтожив все следы нашего присутствия в этом месте, лошадей впрягли в сани или оседлали, и наш обоз тронулся. Снова затрясло на поворотах и на снегу, но в этот раз со мной были Прошка и Фенечка. Эту последнюю мы переодели в одну из моих рубаш, моя наперсница подшила подол крупными стежками, вытащив нитку и иглу из рыбьей кости из другой шкатулки, где хранились всякие полезные мелочи. Косу, которая оказалась обрезана почти по лопатки, мы расчесали и заплели с красной лентой. Когда Прошка спросила у девочки, почему волосы такие короткие, та взялась за косу и сделала резкий жест сжатым кулаком. Обрезали? Отсекли? Кто? А на этот вопрос Фенечка не ответила, зыркнув глазами и отвернувшись.

В пути она свернулась калачиком у моих ног, как собака, но я не могла выдержать этого. Как можно настолько зашугать ребёнка? Я притянула девочку поближе к себе, подсунула ей под голову половину подушки и накрыла краем шубы. Прошка недовольно проворчала что-то, но мне было положить на её мнение. Фенечка доверчиво прильнула ко мне всем телом. Я протянула руку и обняла девочку за худенькие плечи, подумав, что нужно её подкормить, а то даже по стандартам моего мира она кажется тощей. А уж по стандартам этой древней Руси, где все девки красовались жопой и бюстом, а ещё практически отсутствием талии, Фенечка смахивала на сухую ветку.

Прошка давно сопела в две дырочки, не обращая внимания на тряску, а я никак не могла сомкнуть глаз. Смотрела в небо, где звёзды то мигали на чёрном бархате космоса, то стыдливо заползали под серые облака, и думала, за что получила такое наказание. Что бы я делала сейчас, если бы не этот попадос в другой мир? Вернулась бы с работы, приготовила покушать, плюхнулась бы в разобранную постель с тарелкой и ждала бы Матюшу с ночного такси. А потом бы он приехал, устало ввалился бы в квартиру и стал бы отряхивать снег с куртки и ботинок прямо в коридоре. Мы бы поцапались, я его покормила бы, вымыла бы коридор и пришла бы к нему в кровать, под бочок, разбудила бы минетом и добила бы примирения самым примитивным и действенным способом...

При этой мысли, только представила, как он ласкает меня, грубо и нежно одновременно, тихонечко застонала от неудовлетворённого либидо. В животе сжалось предательски, захоте-

лось сунуть пальцы под рубаху и накормить огонь вспыхнувшей страсти... Но как подумала о том, через сколько слоёв ткани придётся лезть, сразу расхотелось. Зато Фенечка зашевелилась, словно мои мысли разбудили её, уткнулась носом в плечо, потёрлась. Я погладила девочку по волосам, шепнула:

– Спи, Фенечка...

А потом продолжила тихонько:

– Знаешь, какое у тебя красивое имя? В моём мире есть такой город. Он прекрасен. Мы с Матвеем ездили туда одно лето, сняли там комнатку и провели целый месяц в море... Там есть море, оно называется Чёрное... Даже не знаю почему. Оно голубое на самом деле, не слишком прозрачное, как, например, на Мальдивах, но вода чистая и прохладная... А когда купаешься, она становится тёплой и ласковой... Нам было хорошо... А в городе мы ходили по узким улочкам, покупали сувениры... Привезли оттуда десять магнитиков на холодильник. Зачем нам надо было десять? Лучше бы купили пару бутылочек местного вина...

Я вспоминала Феодосию с ностальгией. Мы купили, конечно, бутылку, но всего одну. Распили её через несколько дней после возвращения в Москву, а потом Матюша устроил мне родео-секс – горячий и жаркий! В то утро мы даже опоздали: я на работу, а он на пары... Зато весь день сладко ныло в груди, в животе, в горле... Горячие ладони, твёрдые жёсткие пальцы, торчащий, как ручка переключения скоростей, член! О-о-о, как бы мне хотелось проснуться рядом с Матюшей и вот так перекатиться на него, заняться его дружкой, разбудить, подтолкнуть и получить удовольствие...

Походу, я всё же уснула, потому что от толчка саней вскинулась, ожидая самых жутких неприятностей, но всё было спокойно. Разве что над головой плыл колокольный звон.

«Бом... бом... бом... тирилин, тирилин, тинь!»

Колокола отзывались на усилие невидимого звонаря неспешно и степенно, а маленькие колокольчики вторили, словно Табаки Шерхану – подлизывались, поддакивали. Я поднялась и села в остановившихся санях. Прошка тоже проснулась, позёывая и почёсывая голову. Её волосы сбились и торчали прядями из косы. Фенечка же проснулась, развернувшись, как пружинка, и принялась хлопотать, как всегда молча и деловито. Свернула шубу, с усилием перетаскала тяжёлые ларцы к одному краю саней, стряхнула опилки и солому, поправила причёску и платье, накинула на голову платок и повязала его концами на затылке. Потом тронула меня за плечо и махнула вперёд. Я выглянула из-за передка саней. Кучера уже не было, он возился с лошадьми, а мы стояли перед переправой. За рекой светился огнями город.

Белокаменная. Приехали. В животе заскреблось странное ощущение тревоги. Вот и окончился один суматошный день в моём новом мире. Но что ждёт завтра? Пока я в порядке, в относительном, конечно, но в порядке. А там, за каменными стенами незнакомого города – страшноватая княгиня, читающая мысли, княжич, который сам себе невесту не может найти, конкурентки в количестве одиннадцати штук... Оно мне надо?

Я повела плечами в неожиданном ознобе и решила, что больше надо, чем не надо. С Анфисы и воеводы станется меня выдать замуж за Яромира, если я не пройду по конкурсу в невесты княжича. С ним тоже познакомиться не мешало бы, но, по-моему, хуже этого хама и неотёсанного грубияна, как мой дядюшка, не найти.

Кстати, о птичках. Всадник прискакал от реки, бросая примятые комки снега в разные стороны из-под копыт лошади, осадил её прямо перед санями и крикнул:

– Пока стоим, есть маленько время сходить до ветру и киселя горячего попить, вон крестьянка продаёт. Торопитесь!

Тёмные глаза Яромира блеснули из-под шапки, надвинутой по самые брови, и он прищипорил коня, разворачивая его обратно. Прошка вздохнула:

– Ну, пойдём, что ли. Фенька, ты с нами или в санях подождёшь?

Девочка мотнула головой, поудобнее уселась на шубе и даже обняла самый ценный ларец ручонками, показывая всем своим видом, что с места не тронется.

– Ну и Господь с тобой, – отмахнулась Прошка. – На те деньги, купи для боярышни киселька!

Она сунула девчонке несколько мелких монеток, а я подтолкнула её в бок:

– Не жмись, дай ещё, пусть на всех купит.

Прошка нахмурилась, но не стала противиться, добавила. И потянула меня в сторону от дороги:

– Пошли, вот туточки место найдём, туточки люди ходят, а значит – зверья нет.

– Отстань, у меня камешки на шее есть, – засмеялась я. Не то чтобы я верила в их силу... Верят окружающие – и слава ёжикам!

Мы выбрали местечко у самой реки, где росли густые кусты чего-то вечнозелёного. Смесь ёлки с боярышником, колючая и непролазная. Прошка первой присела, как она выразилась, «посикать». А я оглядывалась, оглядывалась, но никого не увидела. Зато заметила движение на другой стороне реки.

На глаза я никогда в жизни не жаловалась. А тут такое зрелище! Я залипла конкретно, особенно, в свете моих ночных сексуальных мечтаний. Голый парень, абсолютно и бесповоротно голый, на снегу, с мечом. Ёшки-матрёшки! Повернись ко мне передом, к городу задом! Он упражнялся в боевой технике рубки врагов, вероятно, и то скользил по мосткам над обледенелой рекой, то делал ошеломительные выпады вперёд, то защищался от невидимого противника, парируя и уходя от воображаемых ударов. А между ног... Болталось как раз то, что мне снилось совсем недавно. Блин, как плохо видно! Подобраться бы поближе и разглядеть в деталях! Но даже отсюда член казался нормального такого размерчика. Три дня без секса, а я уже засматриваюсь на незнакомцев... Каким должно быть его мужское достоинство в эрекции? У меня аж волна вождения по телу пробежала, как подумала о том, что вот это вот тёпленькое входит в меня... М-м-мама, роди меня обратно!

Я стояла и смотрела, разинув рот, на это чудо посреди заснеженной реки, как заправская вуайеристка. Блин, Янка, подбери слюни! Надо думать о том, как избежать нежелательных замужеств со всякими претендентами на моё тело и на моё, точнее, Богданушкино поместье и побыстрее попасть обратно домой, к Матвею! К любимому моему мальчику...

Посмотрю ещё немножечко, всё равно писать, пить и есть перехотелось уже. Все мысли только о сексе. Никогда не думала, что я такая нимфоманка... Ну, люблю это дело, можно сказать, очень сильно люблю, но не до такой же степени! Не до сухости во рту и учащённого сердцебиения вкупе с мокрыми трусиками! Блин, трусов-то на мне нет... Надо будет срочно придумать, из чего их сделать, иначе так все полы в княжеских палатах закупаю!..

– Боярышня!

Прошка подобралась незаметно идохнула через плечо. Я вздрогнула от неожиданности, ибо обо всём на свете забыла, ловя взглядом мускулистую фигуру на мостках:

– Тьфу ты! Напугала!

Девчонка глянула на берег и ойкнула, а потом захихикала в кулачок. Я как-то сразу вспомнила, что она ещё несовершеннолетняя, и прикрыла ей глаза ладонью:

– Не смотри! Рано тебе ещё!

– Уфти, чего я там не видала!

– Голых дяденек!

– Да сколько хош! Вон, как дружинники в бане моются, так и скачут потом в снег голышом! Ить глазам не прикажешь в другую сторону глядеть!

– Всё равно, – пробурчала я. Да уж, нравы тут те ещё...

Парень на мостках положил меч, помахал руками немного, похлопал себя по плечам, а потом, разбежавшись, с плеском прыгнул в прорубь. Тут уж ахнула я. Персидские котята!

Мороз же! Помрёт бедняга... Не выплывет! Но нет. Вот голова показалась, за ней руки, плечи. Парень выбрался на лёд и пошлёпал к мосткам.

– Боярышня Богдана! Прощка! Где вы?

Моя наперсница аукнула в ответ и потянула меня к обозу. Эх, жаль... Такое зрелище было... Когда я ещё увижу подобную красоту...

Заря потихоньку начала окрашивать лес за Белокаменной в тусклый оранжевый цвет. Поднималось солнце, переправу открыли, пора. Навстречу смотрю.

Глава 7. Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...

Столица княжества не зря носила своё имя. Её окружал не частокол из брёвен, а самые настоящие каменные стены, белые от снега. В другое время года они, должно быть, немного серели или желтели, но оставались такими же монументальными и высокими.

Мы въехали в Белокаменную, когда рыжее солнце как раз золотило крышу и ослепительные стены княжеских палат, бликуя в стёклах окон, преломляясь в витражах и играя зайчиками на маковках и шпилях. Когда мы проехали под сводом сторожевой башни, провожаемые пиками и полукруглыми бердышами дружинников в ярких красных кафтанах, я завертела головой во все стороны. Всё-таки Борки по сравнению со столицей были просто деревней. Сани нещадно скрипели по широкому настилу дороги, едва присыпанному снегом, лошади мерно цокали копытами и трясли гривами, чувствуя скорый отдых, а отовсюду раздавались звонкие голоса, лай собак, кудахтанье кур и почти художественный звон молотов по наковальне. Вот свинья с бешеным визгом бросилась наперерез обозу, а за ней девчонка с хвостотиной. Валенки чуть не спадали с ног, сама ругалась, а, получив в шутку плетью по тулупу, ойкнула и соскочила с настила, провожая взглядом прибывших.

Прошка сидела, раскрыв рот, и любовалась резными наличниками и коньками на крышах высоченных теремов, а Фенечка забилась в уголок, страшась толпы. Я потрепала её по вихрушкам, выпавшим из-под платка, и засмеялась:

– Не бойся, всё будет хорошо!

Она только глазами повела, всей мимикой показывая своё удивление и священный ужас. Мне, признаться, тоже было страшно, но я храбрилась, уговаривая себя не ссать. Ничего, прорвёмся! Всё когда-то бывает в первый раз. Вот и смотрины тоже.

Пару раз мы остановились спросить дорогу и уже минут через двадцать прочно встали перед длинным амбаром с маленькими окошками и высоким крыльцом. Толстая баба в роскошной короткой шубе, в необъятных платьях и в кокошнике стрелой, покрытом цветастым платком, махнула рукой:

– Ежели на смотрины, то боярышня пушай подымается, а обоз туды езжай!

Прошка помогла мне выбраться из саней, Фенечка с готовностью подхватила ларцы под каждую руку и шмыгнула носом, ожидая указаний. Я вдохнула, выдохнула и скомандовала:

– Ну, девы мои, вперёд! Отступать нельзя, за нами Москва!

Обе «девы» переглянулись, но промолчали. Я подозревала, что Прошка прочно уверилась в моё скудоумие, а Фенечка... Ну, она ничего сказать и не могла.

Поднявшись по скользким ступенькам лестницы под маковку крыльца, я встала перед бабой. Та оглядела меня буквально с ног до головы и, прищурившись, спросила:

– На смотрины?

– Да.

– Кто такая будешь?

– Боярышня Евдокия Борковичева из Боркова Городища, – услужливо подсказала Прошка из-за спины, высунувшись, а потом снова спряталась.

Баба хмыкнула и жестом пригласила меня идти за ней. Мы с девчонками последовали в тёмные сени, освещённые крохотными оконцами. Баба шла быстро, переваливаясь с боку на бок, как гигантский пингвин, минуя сундуки и ларцы, сложенные у стен. Потом распахнула низкую дверцу и втиснулась в комнату, где творился самый настоящий ад.

Девы-красавицы, числом одиннадцать штук, сидели по лавкам, стояли у окон, расчесывались, заплетая косу, грызли яблоки и при всём при этом трепались друг с другом и со

своими служанками. У каждой их было по две-три, и даже мой пока ещё не искушённый взгляд мог отличить боярышню от простой девки: богатством платья и кокошников, вышивкой, количеством камней в кулонах, а главное – взглядом. Все невесты как одна посмотрели на меня, как им и было положено: оценивающе. Как милиционер, руководящий работник или незамужняя женщина.

Конкурентки. Святые воробушки, как давно я не оказывалась в обществе тёлок, которым хотелось меня уничтожить просто потому, что я шагнула в светлицу!

– А вот и последняя невеста на смотрины прибыла! – объявила баба. – Боярышня Борковичева. Прихорошиться-ка, оденьтесь, и пора на заутреню идти.

Обернувшись ко мне, она добавила:

– Звать меня Макария, а если что не по нраву али обидит кто, немедля ко мне приходите. Я туточки распоряжаюсь невестами, после заутрени покажу вашу светлицу. Об обозных и дружине не тужи – о них позаботятся наши люди. Ларцы вели оставить в сенях, никто их не тронет. А сундуки опосля подымут.

Я кивнула, знаком показав Прошке послушаться, а сама смотрела на остальных девиц. Божечки-кошечки, ну кто так красится? Прямо Марфушеньки-душеньки, как на подбор: лица бледные, видно, что пудра белая, да ещё и осыпается, оставляя проплешины; брови ещё покруче, чем у девушек из моего мира – толстые, мохнатые, подрисованные чуть ли как у Равшана; и густой румянец, будто каждую по лицу шлёпали полчаса... Я на их фоне, небось, смотрюсь блёклым больным призраком.

– А ну-ка, боярышни и княжны, пойдём-ка за мной, а вы, девки, опосля гуртом! – командовала Макария, и все неохотно подчинились. Красны девицы прошли мимо меня, кто задрав нос, кто любопытно скользнув по мне взглядом, а последняя просто облила кипятком из глаз. Ошпарила, так сказать, метафорически. Мне стало душно, словно её ладонь сжала горло, но всего лишь на мгновение. Камни на груди под рубашкой накалились, обжигая, и всё закончилось. Девушка прищурилась и, опустив ресницы, двинулась за остальными невестами. Я спросила шёпотом у Прошки:

– Это кто такая?

– Княжна Светлана Самарова, – быстро ответила та. – Иди же, негоже опаздывать к заутрене!

Я пристроилась в затылок к Светлане и машинально прижала оба кулона через рубаху к коже. Ничего себе! Или мне только показалось, или эти кусочки горной породы и вправду защитили от чего-то мистического? Вместе с кулонами под ладонь попало и яйцо. Тут я совсем пала духом. Как могла про него забыть? Вот вылупится кото-сова, что я с ней буду делать?

Под локоть сунулось что-то, и я опустила взгляд. Фенечка. Смотрит и всё показывает рукой мне на грудь. Чего хочет – непонятно. Я спросила шёпотом:

– Чего? Выражайся яснее!

Девочка закатила глаза к небу, потом быстро перекрестилась и поцеловала простенький деревянный крестик, который вытащила из-под рубахи. И снова ткнула пальцем мне в грудь. Ох, а ведь и правда. Крестика-то у меня нет, в церкви была всего раз, да и то подружка затащила... Как креститься, может, и разберусь, а вот крестик... Я обернулась, махнула Прошке. Мы как раз выходили из амбара, и я тормознула наверху лестницы:

– Слушай, а меня без крестика в церковь пустят?

Прошка аж на месте застыла. Видно было, что этот момент она не обдумала никаким местом. Правильно дядька сказал – безмозглая...

– Ой, чё будет-то... – протянула она страшным шёпотом, но Фенечка ткнула её в бок кулачком и стащила бечёвку с шеи. Махнула мне нетерпеливо. Я покачала головой:

– Нет, не надо, зачем...

Она поджала губы и нахмурилась. Вытянула руки вверх, но до моей головы не дотянулась. Пришлось наклониться. Крестик присоединился к кулонам, правда, пришлось поправлять платок и кокошник, но мы справились с этим быстро. Мен умилило это самоотречение настолько, что слёзы чуть из глаз не брызнули, но я справилась с собой и только коротко обняла Фенечку. А та вырвалась, схватила мою руку и поцеловала кисть, потом ткнула пальцем в спускающихся девиц.

– Иду, иду, – улыбнулась я и взялась рукой за перила.

Церковь была расположена в нескольких метрах от гостевого амбара. Большая, белая, с золотыми куполами и колоколами в башенках. Нас провели, как гусынь, цепочкой в широко распахнутые двери, и Макария шёпотом указала, куда становиться. Цепочка сбилась, и я оказалась между блондинкой в шубке из белого меха и очень скромной, очень красивой брюнеткой с курносый носиком и в лисьем полушубочке. Прощка осталась позади, когда я оглянулась, она всю шушукалась с другими служанками. Фенечка же в церковь не входила, и мне стало жалко малявку. Надо же, без колебаний отдала, наверное, самую дорогую свою вещь...

Мы стояли почти посередине церкви и слушали песнопения. Все невесты, да и вообще все присутствующие склонили головы, сложили руки в молитвенном жесте, не глядя по сторонам. Я же то и дело посматривала на остальных, чтобы повторять за ними. Но пока все были неподвижны. В голову лезли всякие мысли. Например – за каким бум мне понадобились эти смотрины. Или – какой этот княжич, интересно. Для чего ему невест выбирают? Может, из себя весь страшенький? Вроде как среди знати раньше были распространены родственные браки, значит, плохая генетика, вырождение, сумасшествие... Или это в Европе? А на Руси? Чёрт, почему я не учила историю собственной страны? Помнится, Ивану Грозному невест выбирали... Но мы сейчас не в эту эпоху, вроде бы... Или в эту? Или не на Руси? Вроде история не упоминает свирепых птице-кошек... Хотя их могли перебить и следов не оставить... Нет, палеонтологи нашли бы. Значит, не Русь? Не наша планета? Не наша вселенная? Не наш мир? Сколько вопросов и ни одного ответа...

– Княгиня, княгиня... – послышался шёпот со всех сторон, и я вскинула голову, огляделась. Макария шикнула, призывая невест к порядку, но курносая подтолкнула меня локтем в бок:

– Княгиня с княжичем, сподобились!

Горожане расступились, дав проход. Впереди шагала женщина. В целом, я бы охарактеризовала её как властную, холодную, неприступную старуху. Сколько ей может быть лет? Пятьдесят? Шестидесят? Сквозь побелку на лице проступали морщины, щёки горели, а шапочка на голове, украшенная камнями и блескушками, скрывала волосы. От шапочки на плечи ложился белый полупрозрачный платок, шубка скрывала талию, а юбка платья волочилась по полу шлейфом. Шла княгиня так, будто была совершенно одна в церкви, а за ней семенили две старухи, ещё старее, одетые в чёрное и с монашескими клобуками на головах. Чуть позади плёлся парень. Разглядеть я его не смогла, как ни старалась – девицы весь обзор закрыли. Всё, что было заметно: парень был не слишком высок, не особо широк в плечах, не то чтобы очень статен или уверен в себе.

Стоявшие в рядок невесты шушукались, возбуждённо переглядывались, забыв про попа в богатой золотой ризе, который тщетно пытался молитвой перекрыть шум, поднявшийся в церкви. А я не стала им уподобляться. Не рассмотрю сегодня, рассмотрю завтра. Чего я там не видела. Мужиков я видела, парней видела, мускулы видела, задротов видела. По сравнению с этими курицами, которые только и умеют подглядывать за выходящими из бани дружинниками, я видела в сто раз больше. Так что мне не принципиален ни княжич, ни его морда лица. Помолиться, что ли?

Папа научил меня верить в себя и свои силы. Мама научила меня верить в людей и во взаимопомощь, но не слишком на них рассчитывать. В бога верить меня не учил никто. Но в

свете последних событий мне стало просто любопытно: зачем я оказалась здесь, в этом мире? Кто перенёс меня сюда? С какой целью? И всё это, вот это вот... ЗАЧЕМ? А пока цели не видно – как узнать, что делать? Ну, допустим, пройду я этот конкурс, смотринами называющийся. Всё только, чтобы выйти замуж? Или родить ребёнка? Я же не из тех куриц, которым достаточно сюсюкать целый день с диточкой и вышивать на пятаках, пока служанки готовят ужин. Я загнусь от скуки при такой жизни!

А может...

Может, меня послали в этот мир, чтобы что-то изменить?

Дьяк снова затянул сипленьким альтом заунывную песню, поп замахал кадилом и вторил ему басом на незнакомом языке. В конце я разобрала только «Господе поми-и-и-илуй!» Все синхронно закрестились. Я тоже подняла руку с вытянутыми двумя пальцами, коснулась лба, живота, правого и левого плеча. Главное, не опаздывать за девушками. Краем глаза следила за голубой шапочкой княгини. Просто так, на всякий случай.

В церкви стало душно от благовоний, от кадила, источавшего дымок, от множества свечей. Я ощутила тяжесть на правом плече, глянула: брюнетка привалилась ко мне, бледная, как стена, глаза закрыты. Да чтоб тебя... Я ухватила её за руку, похлопала по щеке легонько. Веки девушки дрогнули, поднялись. Слава ёжикам, просто обморок. Брюнетка выпрямилась и стыдливо отодвинулась от меня, шепнув:

– Спаси тебя Бог.

– Ага, не за что, – буркнула я в ответ.

Да когда же это закончится? Уже и ноги устали стоять на одном месте, желудок сводит от голода... Нет, определённо надо было попробовать киселя, который купила Фенечка, но ведь у меня же другие мысли в глупой башке! Мне же на член надо поглазеть! Тьфу блин... Как будто не видела никогда. С другой стороны, кто же знал, что мы сразу по прибытию погрёмся в церковь? Ладно, Янка, терпи, скоро всё завершится, и можно будет позавтракать... Наверное... не будут же невест голодом морить? Хотя некоторых не мешало бы, например, вон ту толстушку в необъятной шубе цвета детской неожиданности. Со спины можно легко спутать с Макарией, разве что шапочка с меховыми полями не похожа на кокошник бабы...

Когда заутреня закончилась, я хотела было вздохнуть с облегчением, но остереглась. У девушек были такие просветлённые лица, что аж застыдилась. А я вот не верю. Я такая. Гадкая я. Я жрать хочу. И Макария, когда нас вывела из церкви, перекрестилась широко и истово (похоже, здесь я воочию увижу определения некоторых слов, которые раньше знала только из словаря!), а потом велела:

– Следуйте за мной, столоваться будем. А опосля княгиня вас посетит.

Прелестно. Наконец-то!

Сумасшедшее утро было вознаграждено завтраком богов. Правда, опять без кофе, но тут мне, наверное, придётся привыкнуть. Пили чай, сбитень и квас. Чай вонял травами, квас я не люблю, а вот сбитень мне понравился – сладкая водичка с остреньким послевкусием. Как я поняла, сахара тут тоже не было, поэтому всё сластили мёдом. На широком, ещё более монастырском, чем все монастырские, столе стояли блюда с пирожками, булочками, караваем. Все брали, что хотелось, и я не стала скромничать. Разнообразие приятно удивило: булочки были с маком, с яблоками, с пастилой, с мёдом, с орехами, с творогом, с чем-то ещё, чего я не распробовала. Девушки жевали и в голос обсуждали заутреню, княгиню, княжича, боярынь, которые были мне незнакомы, а я только слушала, глядя то на одну, то на другую. Больше всех мне понравились та самая курносая брюнетка и две миленькие близняшки, похожие друг на дружку, как две капли воды. Различали их только цвета вышивок на платьях. А так – даже мимика и выражение глаз были одинаковыми.

Больше всего я, конечно, старалась подметить, кто с кем дружит, а кто кого не переносит. Меня, то есть, Богданушку, вероятно, не слишком хорошо знали, потому что никто ко

мне не обращался по имени, да и без имени тоже никто. Ну и чудесно. Может, меньше будут прикапываться. В покое точно не оставят. Женское соперничество похоже на змеиную яму. Шипение и мерянье длиной хвоста. Надо особо опасаться тихонь и их козней. Камнями, что ли, обвешаться с ног до головы?

Княгиня пожаловала, когда мы почти закончили завтракать. Дверь отворилась, в комнату скользнула высокая статная девка в кольчуге и обвешанная оружием, с косой, замотанной вокруг головы, а потом появилась старуха. Подметя пол шлейфом платья, она оглядела всех девушек разом и каждую по отдельности. От её взгляда в голове зашумело, и я испугалась – вот оно! Точно мысли читает. Но в ответ на вторжение звёздного камня с его магией на груди у меня неожиданно ожило яйцо. Зашевелилось, заворочалось, пришлось даже рукой прижать, благо, жест получился натуральным – будто воздуха не хватало. Яичко стало тёплым, приятно согрело, отвлекло от гула в мозгах. Я бросила взгляд на княгиню и тут же опустила ресницы, от греха подальше. Пусть думает, что мне страшно.

– Да пребудет с вами Господь, девицы, – заговорила княгиня тихо, но во всеобщем молчании показалось, что она кричит. – Рада видеть вас в добром здравии в стенах моего дома. Сего дня вам даю отдых, после вечера и молитвы вас попарят в бане, а с утра начнутся смотрины. Макария объявит первое испытание, а мы будем следить за его исполнением. Уверуйте – мы выберем самую достойную из вас в жёны княжичу Сергию.

И она вышла, не прощаясь и не глядя ни на кого. Следом так же юрко исчезла девка-телохранительница, а в комнате раздался общий выдох. Испытания... Да, надо будет напрячься, если, конечно, оно мне надо. И ещё одну вещь необходимо сделать перед началом смотрин.

Я встала из-за стола, перешагнула через лавку и направилась в угол, где сидели, как мышки, отложив пироги, все служанки.

– Прощка, пошли-ка поболтаем наедине.

Девчонка с готовностью вскочила, а за ней Фенечка. Да, пусть тоже идёт, так даже лучше.

Глава 8. Не мышонка, не лягушка, а неведома зверушка...

Мы поднялись по узкой и крутой деревянной лестнице на второй этаж, где Прошка распахнула одну из нескольких дверей и поклонилась:

– Вот, боярышня, туточки твоя горничка. Сундуки притащили, пока ты завтракала, ларцы мы с Фенькой снизу подняли, постельку приготовили, печку натопили. Желаете отдохнуть маленько?

– Желая с вами поговорить, – повторила я, присаживаясь на кровать. Девчонки так и остались стоять передо мной, ожидая. А я никак не могла решиться. Какой будет их реакция? Впрочем, Фенечка вряд ли поймёт, а если и поймёт, то никому не расскажет. Вот Прошка... Это сложнее. Но всё равно надо. Не могу же я постоянно оправдывать свою безграмотность состоянием после гадания...

– В общем, тут такое дело... – начала я и вздохнула: – Мне нужна будет помощь в испытаниях.

– Эт мы поможем, не сомневайся, Богданушка! – живо откликнулась Прошка, а Фенечка закивала. – Приданое твоё не хуже этой княжны Самарской, а может, и лучше даже! У ней всё девками вышитое, а ты сама, своими белыми рученьками и ткала, и шила, и вышивала, Богданушка!

– Вот об этом я и хотела поговорить! – строго перебила я говорливую девчонку. Она скосила глаза на Фенечку и растерянно спросила:

– О вышиванках?

– О Богданушке! – рывкнула я и тут же постаралась взять себя в руки. Не дело орать, тут спокойно надо. – В общем... Не Богдана я.

Прошка кивнула машинально, потом спохватилась:

– Ну а как же, а как же, боярышня! Понимаем мы, верно, Фенька? По христианскому имени звать будем. Ты Евдокия Всеславовна.

– Бл... ин, – протянула я безнадежно. – Прошка... Я что, не по-русски говорю? Я не она. Совсем не она. Я не отсюда. Я случайно оказалась на её месте!

– Эт как это? – опешила та. – А кто же ты?

– Меня зовут Яна. Я из... другого мира, вероятнее всего.

– Как же так-то? Как же ты то измыслила?

Я снова вздохнула. Ну вот как ей объяснить?

– Магия это, понимаешь? Меня как-то перенесло сюда во время гадания. На суженого гадала...

– Верно... В бане... – прошептала Прошка, приложив ладошки к щекам. – Ой матушки-и-и... Батюшки-и-и-и... Крестик-то пропал! Лицо не белишь, не румянишь, даже не просила... Ой-ой-ой! И меня ни разу по ряхе не отхлестала! Феньку приблизила... Господе-е-е...

Она повернулась к углу, где стояла на рушнике одинокая икона, и широко перекрестилась. Потом резко обернулась, глянула острым взглядом:

– А Богдана где же?

Я пожала плечами:

– По логике она попала на моё место. В мой мир.

– А что у тебя за мир?

– Ну... – как объяснить-то, если я и сама ничего не знаю и не понимаю? – Ваше будущее. Или возможное будущее. Мы живём в больших домах с маленькими квартирками, ходим на

работу, чтобы зарабатывать деньги, ездим не на лошадях, а на механических э-э-э повозках... Вот как-то так...

– Ой, матушка... – растерянно пробормотала Прошка и села на сундук. – Бедная моя Богданушка... Как же она там одна, без меня, без Анфисы...

– Алё, Параскева! Я тут!

Пощёлкала пальцами, чтобы привлечь её блуждающий взор, и сказала твёрдо:

– О ней там позаботятся. И посмотрим, как можно будет провернуть обратный обмен. А пока я здесь вместо неё, и мне нужна ваша помощь. Понятно?

Прошка медлила с ответом, а Фенечка бросилась на колени рядом со мной и обхватила мои ноги руками, спрятала голову в складках платья. Я погладила её по волосам:

– Ну, ты что, Фень?

– Полюбила она тебя, – медленно ответила Прошка. – Ты с ней добра. Богданушка, Бог её простит, терпеть Феньку не может.

– Ну, а ты? Что скажешь?

Девчонка вздохнула, махнув рукой:

– Не понимаю я, как это случилось, да и похожа ты на Богдану, как два колоска промеж собой. Буду пока думать, что ты – это она. Авось и привыкну.

– Так что с испытаниями? – я вздохнула с облегчением, оторвала Фенечку от своего колена и усадила рядом с собой на постель.

– Помогу, куда ж мне деваться? Ты меня в Белокаменную взяла, грех не отплатить добром.

Серьёзное личико Прошки порадовало. Но я всё равно опасалась, что она проболтается кому-нибудь, поэтому предупредила:

– Смотри, не ляпни об этом! Знать не должен никто! Ни одна живая душа!

– Не совсем я бестолковая, понимаю. Да и не поверит мне никто.

– Не поверит, не поверит, а меня на всякий случай возьмут и сожгут на костре, – проворчала я. – Вот в бане будем париться вечером, небось, не просто так... Смотрины же, невеста должна быть невинна...

– А ты что же, не невинна?! – ужаснулась Прошка. – Боже милостивый!

– Уж прости, но в моём мире и в моё время спать с мужчиной до свадьбы – это в порядке вещей и не карается законом! – ехидно ответила я. – Да и как-то не предполагала, что меня занесёт в ваши края, да ещё и в качестве потенциальной невесты для княжича.

– Ой, беда-беда-огорчение! – подвивая, начала Прошка, а Фенечка подняла лицо, заглянула мне в глаза и покачала головой. Мол, и правда, беда. Я пожала плечами:

– Ну, отошлют назад, и дело с концом.

– Позор на Борки навлечёшь, ой, позо-о-ор! На долгие годы! Баять будут, что Борковичи не умеют девок в узде держать, раз сама боярышня порчена до свадьбы оказалась...

– Ну, ёшки-матрёшки, – рассердилась я. – Не ной, а ищи выход из положения!

Прошка махнула рукой, будто уже всё было проиграно заранее, и грустно сказала:

– Пойду-ка спущусь в стряпошную, принесу киселька или сбитня...

Когда она ушла, я завалилась на постель и уставилась в балки потолка. Вот незадача, как сказал бы Матвей. Ну кто бы мог подумать? Интересно, как они будут проверять на девственность? Неужели разложат, как у гинеколога, и смотреть будут? Нет, скорее всего пальцем полезет какая-нибудь сморщенная бабуся... Фу, конечно, не факт, что я позволю кому-то копаться у себя между ног, если это не мой мужчина. Но, если Прошка говорит правду, придётся стерпеть – ради чёртовых Борков, будь они неладны!

И снова яйцо зашевелилось. Прямо заворочалось, словно живое, словно кто-то пытался выбраться из него наружу. Я сердито прикрикнула, оттянув ворот рубахи:

– Ты ещё тут выступать будешь! Сиди смирно!

И поймала изумлённый Фенечкин взгляд. Пожала плечами:

– Ничего страшного, просто яйцо...

А оно треснуло, звёздочками во все стороны зазмеилась скорлупа, послышалось шебуршание. Я замерла, опасаясь за свои сиськи. А из дырочки в яйце показался маленький клювик, окружённый мокрой реденькой шерстью, отломал деловито кусочек скорлупы, скрылся... Глянула на Фенечку – та тоже застыла с широко распахнутыми глазами.

– Мама, – прошептала я тихонечко, чтобы не слишком сильно дышать. А из дырочки протиснулась треугольная кошачья головка со смешными лысыми ушками, высунулись две трогательные лапки с полупрозрачными коготками и живо разломали скорлупу надвое.

– Мама, – пискнула я уже в страхе. Дрекавка поднялась на моей груди, чихнула, раззявив клювик, и отряхнулась по-собачьи. Мокрая шёрстка вмиг высохла, крохотные, ещё недоразвитые крылышки, в которых не хватало перьев, расправились в первый раз, и на меня уставились круглые совячьи глазки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.